

Элизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА КЛЮЧИ СУДЬБЫ

«Всё выверено, взвешено, даёт вжиться
и погрузиться в эпоху, почувствовать вкус слова,
раздольного и богатого, как и сама Русская земля.
Настоящий русский роман».

Ник Перумов

Елизавета Алексеевна Дворецкая

Княгиня Ольга. Ключи судьбы

Серия «Княгиня Ольга», книга 11

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48595046
Княгиня Ольга. Ключи судьбы: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-106780-9

Аннотация

Киевский воевода Мистина, заключая ряд с плеснецким князем Етоном, был уверен, что тот оставит земли в наследство сыну княгини Ольги, подрастающему Святославу. Таков уговор! Однако лукавый старик, которому верховный бог Один дал три срока человеческой жизни, решил обхитрить злую судьбу, так и не даровавшую ему собственных детей. Взяв на воспитание лесного найденыша, Етон сделал его своим тайным орудием. Вот только старый князь не сумел просчитать всех последствий... И теперь не только соперникам, но и ему самому и юной его красавице-жене, ходящей по краю смерти, предстоит пройти немало будоражащих испытаний...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	12
Часть вторая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Елизавета Дворецкая
Княгиня Ольга.
Ключи судьбы

© Дворецкая Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Вольнская земля, Луческ, 18-е лето Унемыслово

Близилаась полночь, город Луческ спал на горе над Стырю. Кроме полноликой луны, некому было видеть, как Унемыслово княгиня, закутавшись с головой в широкий платок бурой шерсти, вдвоем со служанкой вышла за ворота. Лунный свет отражался в широких лужах на дороге и сам казался скользким, как лед. Скорее бы уже снег! Скорее бы Мокошь выбелила землю новым своим полотном, чтобы не было так непроглядно черно по ночам и так уныло короткими серыми днями.

Княжий двор стоял в городце, а бани выстроились чередой внизу, вдоль речного берега. Опираясь на руку челядинки, княгиня пробиралась по грязной после дождя тропе. Не рано ли она встала? Ведь седьмые роды – не шутка, не молоденькая уже... Но пропустишь полнолуние – потом еще месяц ждать в неизвестности и страхе. Наконец-то, после шестерых сыновей, судички послали Велегневе долгожданную дочь. Трех младших сыновей повитуха заворачивала сразу после рождения в старую княгинину рубаху, приговаривая: «Дай, Мокошь, дочь на смену матери», и вот наконец Мокошь откликнулась. Но всю беременность княгине снились ужасные сны: будто живот вдруг пропал, дитя украдено. Когда накатывала дурнота и тяжесть, мерещилось, будто

во чреве лежит не младенец, а большой черный камень. Он даже снился ей.

Но худший сон увидел сам Унемысл – за месяц до родов жены, когда в Луческе и окрестных весях начали чесать лен. Привиделось ему, будто бы входят в избу две бабы, и одна другой говорит: давай, дескать, скрадем дитя у княгини, головешку взамен подложим! И даже одну он вроде бы узнал, видел ее, когда большухи приносили первые пучки льна для жертвы Мокоши. Но, проснувшись, не сумел вспомнить лицо.

Однако осторожная ворожба сделала свое дело, роды прошли благополучно – на свет появилась не головешка и не камень, а миленькая здоровая девочка. И все-таки тревога княгини не улеглась, в первое же полнолуние она велела послать в Дорогоще за бабой Намыкой – самой старой в округе, самой искусной в пытании судьбы.

Та пришла, когда Велегнева уже сидела на лавке в пустой холодной бане. Огня не зажигали – через распахнутую дверь ярко светила луна. В воздухе висел слабый дух дыма и осторожных трав, которыми мыли роженицу шесть дней назад; порывы ветра приносили снаружи запах палой листвы и осеннего дождя. Княгиня ждала, дрожа и прислушиваясь к каждому шороху. Вот-вот сейчас из-за печки или из тьмы черных углов вылезет мора – косматая-волосатая старушка ростом с дитя...

Когда появилась Намыка, княгиня задрожала сильнее.

Усохшая от старости бабка и сама сделалась словно десяти-летняя девочка, только на спине у нее, ближе к левому плечу, вырос горб, и она ковыляла, перекошенная его тяжестью. Из-под белого шушуна виднелся подол черной старушечьей плахты. Белый платок плотно облегал ее голову. Она сняла его, и по плечам рассыпались тонкие, как свет, и седые, как иней, слабые волосы. Беззубые челюсти подчеркивали выпяченный подбородок, скулы были плотно обтянуты тонкой кожей. Запавшие мутные глаза, казалось, смотрят сквозь явь и видят иное. А где взор, там и душа. От старухи веяло Навью, где она, по сути, уже давно пребывала. Лишь дряхлое тело ее все еще бродило по белому свету, и это само по себе внушало жуть. Особенно здесь, в бане, что стоит на меже между миром живых и миром мертвых.

Намыка принесла с собой прялку и волну – белую кудель из чесаной овечьей шерсти. Вот она затворила за собой дверь, и в бане стало почти темно – теперь только в оконце светил лунный луч, сам похожий на нить. Велегнева сидела на середине лавки, сжав руки на коленях, – вот бы забиться в угол, но углов-то она боялась пуще всего. Дрожь пробирала ее с ног до головы, теснило в груди, тянуло бежать отсюда на вольный осенний воздух.

Но она сидела на месте. Дома осталась ее новорожденная дочь, первая, единственная, такая желанная. Так хотелось знать, что ей суждено вырастить это чадо – качать в зыбке и петь «Ходит дрёма», играть в ладушки с маленьки-

ми непослушными ручками, учить ходить и «резать пути» между слабыми ножками, чтобы освободить их для ходьбы и беготни. Ловить первые нелепые слова, в которых лишь она да нянька смогут разобрать не то «баба», не то «мама», не то «дай». Потом расчесывать волосики, в три года впервые подстричь их, в семь – заплести первую косу. В восемь учить прясть, шить, в двенадцать надеть плахту и дать в руки ткацкий челнок, а там уже и женихов придет пора ожидать. Дочь, ее Дажьбожья внучка, уж верно вырастет дево́й красоты несказанной, что ни вздумать ни взгадать. Всех пригожее она будет, и умом, и красотой возьмет. Самые знатные мужи, самые удалые молодцы будут съезжаться ее сватать, едва прознают, что она выросла... Если вырастет. Если дурные сны не означают, что злая Недоля тянется к ее жизненной нити и готовит острые ножницы...

С прялкой под мышкой Намыка уползла за печь. Потом появилась снова, обходя сложенную из крупных камней печь противосолонь. Бормотала что-то – княгиня не вслушивалась. Обойдя печь три раза, вышла вперед. И княгиня больше не смела смотреть на нее – теперь это была Доля, пряха судьбы, и женщина не решалась поднять глаза выше подола ее черной плахты.

Намыка принялась кружить вокруг себя – тоже противосолонь. Зашамкала, и княгиня скорее угадывала, чем слышала призыв:

За лесами дремучими, за горами высокими,
Где солнце не светит, роса не ложится,
Стоит избушка на курьей ножке,
На веретенной пятке,
Кругами вертится, дверей не видеть.
А в той избушке
Сидит старая старушка,
Волну прядет, нитки сучит,
Веретенце крутит,
Под пол спускает,
Прядет, выпрядает,
Узоры набирает,
Красной девице, молодой молодежи
На долгий век, на короткий век...

Покрутившись, Намыка уселась на печь, вставила прялочную столбушку между ног и принялась прядь – левой рукой, в другую сторону, а не как обычные нити прядут. Княгиня раз или два осмелилась на нее взглянуть, но тут же отводила глаза. Зрелище было жуткое – скрюченная старуха, сидящая на банной печи, будто озорующее чадо. Лунный свет скользил по ее белому шушуну, пятна света и мрака при движении ее рук чередовались, словно разрывали ее на части. Княгиня жалела, что сидит здесь и видит это, но уйти было немислимо – она не смела лишний раз моргнуть, сглотнуть, вздохнуть. Пошевелиться было невозможно, как во сне, когда ма-ра сядет на грудь и давит, делая все члены мертвее камня.

Нужно спросить: на счастье прядешь или на несчастье?

Велегнева пришла именно затем, чтобы задать этот вопрос, но сейчас поняла: она не сможет. Язык не поворачивался. Страшно было подать голос, нарушить эту тишину и скрип веретена. А еще страшнее – услышать ответ.

Вдруг старуха вскрикнула и дернулась. Хриплый крик ее был похож на карканье вороны. Сухая белая рука взметнулась вверх, будто Намыка ловила в воздухе что-то невидимое. Княгиня ахнула, вздрогнула; сердце сильно стукнуло, едва не разрываясь.

А Намыка, оставив прялку, уже обеими руками делала движения, будто не то ловит, не то отгоняет кого-то в темноте. В пятнах лунного света ее сухие руки мелькали, словно голые птицы. Прялочный копыл со стуком рухнул на пол. Воздух был полон злобными обитателями Нави; княгиня соскользнула с лавки, сжалась в комок на полу и прикрыла голову руками. Сейчас что-то ужасное схватит ее, утянет во мрак подземелья...

Но вот крики стихли. Княгиня боязливо подняла голову, уверенная, что увидит только печь и прялку на полу, а Намыку, уж верно, навьи унесли с собой.

Однако старуха сидела на прежнем месте. Даже прялка вновь была у нее в руках. Похоже, она выиграла это сражение. Чуть подбодрясь, Велегнева снова села на лавку, на самый краешек.

Намыка отложила копыл и встала. В руках у нее была длинная белая нить. Она кивнула, и княгиня подошла, не

чуя под собой ног.

– Мора приходила, – прошамкала Намыка. – Кудель мою рвала. Едва отбилась от нее, кощеихи... Сковороду давай...

Княгиня обошла печь и взяла стоящую на приступке широкую железную сковороду с бортиком. На сковороде обнаружили волокна и целые клочья белой кудели – и на полу, и на боках печки. Дрожащей рукой княгиня смахнула их, вздрогнула, будто коснулась мертвого тела. Зачерпнула ковшом воды, вылила на сковороду.

Намыка свернула нить кольцом, шепча над нею что-то. Потом опустила в воду на сковороде.

– Ну теперь смотри...

Княгиня опустила взгляд. Белые нити сперва легли на поверхность воды, даже не продавив ее, но потом распластались, набухли и у нее на глазах медленно опустились на железное дно...

Часть первая

Плеснеск, 45-е лето Етоново

Собирая соратников для нового похода на Греческое царство, Етона из Плеснеска Ингорь оставил напоследок. Ко второй зиме после войны с греками князь киевский достиг уже немало и теперь, имея за собой силу, не просил о помощи, а великодушно предлагал возможным союзникам разделить с ним плоды будущей победы.

– Вспомнили вы, стало быть, и обо мне... – промолвил князь Етон, глядя на стоявшего перед ним киевского посла – в синем кафтане с богатой шелковой отделкой, с печенежским поясом в серебре.

Чуть моложе средних лет, рослый, уверенный, тот держался с непринужденным достоинством, и при взгляде на него невольно возникало чувство, будто он своим посещением оказывает честь этому месту, хотя сам нисколько об этом не думает. На плечевом ремне у посла висел франкский меч – набор и отделка ножен сияли тонкими узорами из золота и черного серебра. Даже здесь, между верховьями Днестра и Буга, вблизи моравских земель, славных умелыми златокузнецами, на путях перевозки этих мечей от Рейна к Днепру, он внушал восторг и зависть. Может, как раз потому, что все тут знали, что это за вещь и сколько стоит. Етон заметил эти чувства на лицах своих людей и вдруг встрево-

жился: не позавидует ли дружина киевским русам, у кого такие молодые и удачливые вожди? Поудалее, чем он, старик, чья слава уже в прошлом?

– Мы в Киеве никогда о тебе и не забывали. – Посол учтиво наклонил голову. – О тебе, Етон, в нашей земле по сей день предания ходят...

Искусный в речах Мистина Свенельдич не погнушался бы польстить хозяину, но сейчас сказал чистую правду. Амунд, сын Вальстена, князь плеснецкий, был славен далеко за пределами своих земель уже внешним видом. Огромного роста, нескладного сложения и весьма некрасивый лицом, он с юных лет получил прозвище Йотун – на языке волынской руси это звучало как Етон, – и оно прилипло так прочно, что совсем вытеснило настоящее имя. Но сагу его создала не внешность. Еще в те времена, когда Мистина был ребенком, воевода Свенельд, его отец, на долгих зимних пирах рассказывал о ссоре Олега Вещего с молодым вождем волинских русов. Из-за чего была ссора, никто уж не помнил: не то из-за нежелания волян идти в поход на угров, не то из-за дележа добычи после похода, а может, из-за стремления Вещего подчинить себе и Волян. Однажды бабы в доме старого Предслава болтали, будто два могучих владыки повздорили из-за сватовства к какой-то красавице, но в это Мистина и отроком не поверил: бабы есть бабы, их хлебом не корми, дай потолковать про невест и свадьбы. Важно было то, что Олег, недаром прозванный Вещим, проклял Етона.

«Сколько бы жен ни брал ты в дом, ни от одной из них не будет у тебя ни сына, ни дочери», – сказал он.

Однако той же ночью Етон увидел во сне, будто в покой к нему входит могучий муж в синем плаще и серой шапке, так низко надвинутой на лицо, что глаз было не увидеть.

«Олег киевский столь мудр и могуч, – промолвил он, – что даже мне не под силу снять его проклятье, наложенное именем Харлоги – бога Высокого Огня. Но я сделаю так, что ты проживешь тройной срок человеческой жизни. Может быть, за то время найдется способ разрушить чары».

Более никто в доме не видел и не слышал, чтобы к Етону приходил некий муж и говорил с ним. Однако сон сбылся: с тех пор миновало много десятилетий, внуки Етоновых ровесников получили мечи и встали в ратный строй, а сам он все еще был жив и даже довольно крепок. У него имелось несколько знатных жен, не считая рабынь-наложниц, но и проклятье сбылось: ни одна из них не принесла ему ни сына, ни дочери.

– А я уж думал, позабыли вы, киевские, меня, – ответил Етон, пристально осматривая посланца, будто выискивая подвох. – Со времен Олега Вещего ваши люди у меня только раз и были – как внук его, Олег-меньшой, в Киеве сел, так отец его приезжал, Предслав... Мириться хотел. Ну и после того, как сам Предславич на Мораву пробирался...

Етон помрачнел, вспомнив, как четыре года назад принимал у себя знатного изгнанника. Ему бы стоило радовать-

ся: судьба отомстила за него. Недруг его, Олег Вещий, умер раньше, пережил четверых сыновей, не оставив прямых наследников, кроме внука. Но и тот продержался на киевском столе не слишком долго – восемь лет, а потом был свергнут Ингорем – мужем Эльги, племянницы Вещего. Вышло, что Олегов род в Киеве уступил место князю из северной, волховской руси. Но Етона тогда не тянуло злорадствовать: он скорее готов был пожалеть внука покойного неприятеля. Судя по рассказам Олега-младшего, власть на Днестре оказалась в руках людей отважных, предприимчивых и готовых на все – как на открытый бой, так и на обман и предательство. Етон чуть было не предложил Олегу-младшему свою поддержку для возвращения в Киев, но дружина отговорила: довольно своих забот. А ведь вокняжение на киевских горах Ингоря из Хольмгарда, глядя поначалу, всем соседям обещало много покоя.

– Как же мы тебя забыть можем? – Мистина развел руками, будто в удивлении. – Ты ведь тоже от рода русского. Поволховская русь с днепровской теперь единым родом живет, с тех пор как Ингвар в жены Эльгу взял, а ты вроде и по соседству, да не с нами. Желает Ингвар иметь с тобой мир и дружбу.

– Чудные речи твои! – усмехнулся Етон. – Слышали мы, не дружбы вы вокруг себя ищете. С хазарами повздорили, с греками воевали...

Мистина подавил ухмылку – не ускользнувшую, впрочем,

от глаз Етона и его ближних, – и приосанился.

– Если будет на то твое желание, я расскажу тебе о войне с греками все, что только стоит об этом знать. Я был в том походе от первого до последнего дня. Я видел своими глазами, как горели на воде Боспора Фракийского наши суда, подожженные «влажным огнем». Прошел через всю Вифинию, предавая огню и мечу села, сады и посевы. Взял богатый и древний город Ираклию, сражался под ее стенами в поле против греческих воевод Варды, Куркуаса и Панферия. Много раз я мог остаться на той каменистой земле под оливами. Но боги помиловали меня и позволили вернуться домой, почти невредимому, с войском и добычей.

– Да всем ведомо – от греков Ингорь на десяти лодьях воротился, едва сам жив ушел! – Етон подался вперед.

– Это ложь, – спокойно ответил Мистина. – Так говорили те, кто испугался «влажного огня», принял его за небесную молнию и утратил веру в победу. Эти люди и предпочли вернуться домой с раненым князем, а не продолжить поход, чтобы отомстить за него.

– Еще от отца я слышал: многие становятся робкими, издавая раны!

– Не все. В мою грудь била пика катафракта, однако не достала до сердца и не заразила его робостью.

– Да неужто? – Етон склонил голову набок.

– Рубцы показать?

Мистина с улыбкой положил руку на верхние золоченые

пуговики кафтана, собираясь его расстегнуть.

– Брось! – Етон поморщился. – Я тебе не баба...

Однако беглый взгляд на лица собственных отроков убеждал: они бы охотно посмотрели на шрамы от пики тяжелооруженного греческого всадника, хоть и не бабы...

– А сколько добычи мы привезли, – продолжал Мистина, – ты сможешь судить сам, когда изволишь принять дары, что прислал тебе мой князь в знак дружбы и предложения союза. Что лучше покажет нашу доблесть, чем коприны и серебряные чаши! Ты сам увидишь, кто говорит правду – мы или наши завистники.

Он улыбнулся, и его красивое лицо засияло, будто солнце. Легко было поверить, что этот мужчина, лет двадцати шести или чуть старше, полон доброты, искренности и дружелюбия. Даже Етон, повывавший на долгом веку много удалых молодцев, поверил бы – если б не знал от самого Олега Предславича, свергнутого с киевского стола, что именно Мистина вместе со своим отцом, воеводой Свенельдом, стоял во главе заговора против родного внука Вещего.

Но Етон видел и еще кое-что. Уверенность Мистины говорила о том, что этот человек, прошедший огонь Боспора Фракийского и пики тяжелых царевых конников, чувствует в себе своего бога – бога воинской доблести и удачи. А поэтому хорошо знает свой путь.

– Ну, показывай, что привез... – проворчал Етон.

Мистина сделал знак своим отрокам, чтобы внесли и от-

крыли ларь. Подарков оказалось не так уж много: три шелковых кафтана, красная парчовая шапка, греческий меч-парамирий, широкая золоченая чаша на такой же широкой ножке с основанием, украшенным самоцветами. Ровно столько, чтобы сделать сразу два дела: доказать, что киевские русы вернулись из Греческого царства с добычей, и зажечь сердца хозяев жаждой получить того же, но побольше!

И еще одна мысль довольно ясно отражалась на лице Етона, когда он переводил взгляд с разложенных перед ним на медвежине скарамангиев и диветисиев на тот, что облегал сильные плечи и широкую грудь посла. Себе-то портище чай получше выбрал!

«Я прямо на месте выбирал», – ответил ему веселый взгляд и мнимо-прямодушная улыбка гостя. Сама эта улыбка сильнее всяких сокровищ внушала желание отправиться в то самое место, где кафтанов – что грибов в лесу, знай выбирай!

– Так чего же хочет от меня твой господин, Ингорь киевский? – начал спрашивать Етон, когда Мистина со своими людьми уже сидел за столом, а первая братина – за богов – была поднята хозяином и неспешно поплыла вдоль ряда.

Перед Етоном на столе стояла та самая чаша, что еще два лета назад украшала алтарь церкви в Вифинии либо Гераклеее, а теперь была налита золотым вареным медом. Над очагом грелась на решетке широкая железная сковорода, служанки пекли на ней тонкие лепешки из смеси гороховой и

овсяной муки, снимали и горячими разносили по рядам гостей за длинными столами. Красовалось на больших деревянных блюдах вареное и жареное мясо, запеченная рыба и птица, стояли в горшочках подливки из ягод и меда, из сметаны с чесноком и травами, широкие миски с солеными грибами, печеная репа и яйца.

– Грядущим летом мы вновь пойдем на Греческое царство. Ингвар предлагает вам, волынским русам, присоединиться к нам. А также всем мужам и отрокам из бужан и волянян, что пожелают. – Мистина взглянул на бояр исконных волынских родов.

По рядам Етоновой дружины за столами пробежал ропот. Все отчасти ждали этого приглашения, отчасти надеялись, и теперь с волнением ожидали ответа своего господина.

– Однако, видно, не так уж велика ваша удача, если вам понадобился такой дряхлый старик, как я! – Етон усмехнулся над своей телесной немощью. – Мне уже лук не натянуть, в седло отроки подсаживают.

На седьмом десятке лет он выглядел развалиной прежнего волота¹: спина согнулась, длинные худые руки и ноги болели, а лицо, и в юности некрасивое, теперь в морщинах, с мешками под глазами, в старческих пятнах, способно было внушать жуть. Лет сорок назад Етону сломали нос, но особенно неудачно: тот остался не только искривлен, но и почти расплюсчен. Свои привыкли к нему, чужие же нередко блед-

---

¹ Волот – великан. (Здесь и далее примечания автора.)

нели, очутившись с Етоном лицом к лицу. От этого пошли слухи, будто Етон плеснецкий – колдун, и уже говаривали, что и жизнь он продлевает себе колдовством. Этот страх, а еще хорошо вооруженная многочисленная дружина позволяли ему и в старости оставаться одним из самых могучих и влиятельных вождей в этой части света, между Русской землей на Днепре и ляхами на Висле. Иного и не могло быть здесь, на знаменитом торговом пути из хазар в немцы, где русы уже лет сто возили меха, мед, воск и челядь на Мораву, а оттуда рахдониты переправляли живой товар в дальние дали, аж до самого Кордовского халифата.

Мистина смотрел на Етона прямо, с любопытством, но без робости. За его спиной стояла держава не менее могучая, а дерзкий отважный нрав и жизненный опыт защищали его от ребячьего страха перед уродливым стариком.

– Ингвар прислал меня к тебе, желая процветания всем русским родам на землях славян. У нас имеется кому натягивать луки, а уж по части седел лучше наших не сыскать! Пршлым летом Ингвар заключил союз с Ильбугой, князем кангар² из колена Явдиртим. Тот поклялся дать нам для этого похода десять тысяч всадников с заводными конями, припасами на первое время, с достаточным числом стрел и запасными тетивами – все, как у них водится.

Это была важная новость.

---

² Кангар – несколько печенежских колен, считавшихся наиболее благородными.

– Вот как! – Етон в удивлении подался к нему. – Не обманет?

– Едва ли. Его родич Едигар сидит у меня в Киеве за крепкими засовами и стражей.

– Как же он туда попал? Вы в степь ходили?

– Мы повстречались с ним на днепровских порогах, у Протолчи, той осенью, когда я возвращался из Греческого царства. Ему понравилась моя добыча, и он хотел отнять ее. Но боги были за меня, и сам Едигар стал моей добычей. И этот пояс сменил хозяина, – добавил Мистина, видя изумленный взгляд Етона, и приподнял хвост своего пояса.

Густо усаженный серебряными бляшками искусной хазарской работы, тот стоил меньше меча, но не хуже доказывал доблесть и удачу нынешнего обладателя.

– Стало быть, по суше пойдете? – уточнил Етон.

– Печенеги пойдут на конях, а мы – в лодьях.

– И много у вас лодий?

– Да не меньше, чем в то лето. Ингвар побывал на Волхове и заручился поддержкой своей матери, госпожи Сванхейд. Она, если не знаешь, правит от его имени в Хольмгарде, его наследственном владении...

– Ты... правду говоришь? – Етон вонзил в него испытующий взгляд.

Мистина слегка переменился в лице и чуть заметно приосанился. В очертании его глубоко посаженных глаз, прямых русских бровей, острых скул появилась жесткость, показывав-

шая, что сомнений в своей чести он не позволит никому.

– А с чего ты усомнился в моем слове? – Небрежным движением он положил оба кулака на стол перед собой, и от него вдруг повеяло угрозой.

На левой кисти, на костяшке ниже указательного пальца виднелась «щитовая язва» – натертая отметина, которую носит каждый, кто часто держит в руке щит. Етон глянул на нее с досадой: с его ослабевших рук «щитовая язва» сошла много лет назад.

– Потому что здесь, на этом самом месте, где сейчас сидишь ты, – Етон издали показал на него черенком поясного ножа, – сидел Олег, внук того Олега, и его жена Малфрида! Она твердила, что их общая мать никогда не простит своего сына Ингоря за то, что вероломно отнял стол у ее мужа. Он нанес такое оскорбление своей кровной родне, что его мать, жена гордая и благородная, не простит такой низости даже родному сыну! Малфрида клялась, что ее мать решит именно так! А теперь ты говоришь мне, что Сфандра простила! Почему я должен верить тебе?

Мистина слегка расслабился, во взгляде его мелькнуло выражение превосходства.

– Неужели ты принял так близко к сердцу слова обиженной женщины? – мягко спросил он, словно говоря: «не в твои годы быть таким доверчивым». – Госпожа Сванхейд и впрямь сердилась. Но, выслушав, как все доподлинно было и для чего затевалось, признала, что Ингвар на киевском столе

принесет руси, южной и северной, куда больше пользы, чем мог принести Олег Предславич – достойный человек, но... слишком уж мягкий сердцем. Руси нужна добыча и слава, нужны новые земли, данники, уважение каганов и цесарей. Ингвар даст ей все это. Вместе со Сванхейд послать воев на греков обязались малые князья Поозёрья, Воислав плесковский – вуй княгини Эльги, а еще Сверкер смолянский и Огневит радимичский. Совсем недавно, нынешней зимой, мы отдали замуж Олегову дочь Предславу за юного Володислава деревского. Древляне тоже дадут людей для похода. Как видишь...

– Древляне? – переспросил Етон. – Теперь ваша дева за их князем?

– Именно так. Предслава Олеговна, правнучка Вещего.

Етон взглянул на Семирада, своего воеводу, потом на других бояр. На огорошенных лицах отражалось понимание важности этой вести.

– Огорчил ты меня... – пробормотал Етон, собираясь с мыслями.

– Чем же? – Мистина поднял брови, собрав высокий гладкий лоб в складки.

– Сам свататься хотел, – буркнул Етон, даже не делая вид, будто это правда.

У Мистины дрогнули губы: он не сообразил, уместно ли будет засмеяться, показывая, что оценил шутку, или такой смех посчитают за оскорбление. Третья Етонова жена, знат-

ная морованка, года два назад умерла уже немолодой, и хотя неладно земле жить без княгини, от старого князя никто не ждал, что он приведет новую супругу. Ему теперь одна Марена невеста! Даже мысленно поставить рядом с этим старым лешим Предславу – свежую, застенчивую четырнадцатилетнюю девушку, светловолосую, как ее мать Мальфрид, и ростом в высокого отца, – было очень смешно.

– Отдать за тебя Предславу не в нашей было власти. – Мистина избрал средний путь и поддержал шутку, делая вид, будто это вовсе и не шутка. – Олег Предславич сам обручил ее с Володиславом, еще детьми, а Ингвар с Эльгой выполнили давний уговор. Но коли есть у тебя нужда в знатной жене, мы готовы помочь – и отыскать, и сосватать.

– Да уж ты сват будешь знатный! – Етон глянул на него, прищурившись. – Баяли, что саму Эльгу своему князю ты высватал?

– Можно и так сказать. – Мистина на миг опустил глаза, хотя о других своих заслугах повествовал без смущения.

– Ну так поведай, как дело было. Может, и впрямь пошлю тебя за невестой.

Повесть о сватовстве за Эльгу Мистина рассказывал уже не раз, давно наострился красиво подавать то, что стоило знать посторонним, и ловко обходить места, о коих лучше умолчать. Его слушали в увлечении: как лесной оборотень-колдун якобы похитил обрученную невесту Ингвара, как Мистина вытащил ее из леса, обманом провез через вла-

дения Дивислава ловацкого, которому она была обещана родичами матери, и доставил в Киев. Мистина говорил без запинки, сам думая о другом и наблюдая за слушателями. Глаза всех в гриднице были устремлены на него, однако по взгляду Семирада, Стеги Чудислава и Раносвара он видел. мысли их очень далеки от приключений чужой невесты и сосредоточены на куда более близких им предметах.

Правильные мужи, мысленно одобрил Мистина. Самое важное услышали и теперь о деле думают.

* * *

Получить ответ так сразу киевский гость не мог и не считывал. Три дня он и его люди отдыхали с дороги, побывали на пиру у Чудислава – знатнейшего из ближних Етоновых бояр и Волосова жреца. И лишь потом Етон вновь позвал их в свою старую гридницу. Больше столетия назад первые русы на Волыни построили ее по привычному образцу: длинное бревенчатое помещение с опорой кровли на столбах, где почетное хозяйское место было в середине длинной стены, а почетное гостевое – напротив. У дальней короткой стены стола скамья для служанок: свободные от иных дел пряли там лен и шерсть, а ключница-волынянка надзирала за ними, то и дело поглядывая на господина: не прикажет ли чего подать?

– Обговорил я твое дело с дружиной моей, – начал

князь. – В нынешнее лето неладно нам на греков идти. Может, слышал – на земли мои Людомир волынский зарится. Знает, сам я стар, а нет у меня ни сына, ни внука, ни зятя, чтоб за стол мой и земли постоять... Да только попусту надеется! – Етон вдруг разгорячился и стукнул кулаком в старческих пятнах по подлокотнику престола. – Я-то поскриплю еще! Я самого Вещего пережил – того рарашку³ волынского и подавно переживу! Но только со своей земли нет мне сейчас пути. Уйду я в поход... Семирада пошлю, – поправился он, заметив, как по лицу гостя скользнуло легкое недоумение, – с ним русь свою отправлю, лучших воев – а тут-то Людята и нагрянет! Вернемся с портами греческими – а тут пепелище одно.

Мистина внимательно слушал, и видно было, что в уме его уже крутятся способы обойти это неудобство.

– Кабы годом хоть позже... – продолжал Етон. – Мы б такой ряд меж собой положили: нынче летом идем на Волинь, вы, киевские, и мы, плеснецкие. Я было думал у древлян подмоги просить... но коли они уж вам обещались... у греков, известное дело, добыча получше будет, чем на Волини. У Людята порты золотые на дубах не растут. Ну а коли древляне мне теперь не соратники, значит, с вами бы речь повести. Разобьем Людяту, добычу поделим. А тогда уж и на греков можно. Лишь бы змея этого ползучего за спиной не оставлять. Что скажешь?

---

³ Рарашек (юж. – слав.) – мелкий бес, иногда имеет огненную природу.

Мистина помедлил и с показным сожалением покачал головой:

– Не властен я поход отложить на год. И даже Ингвар не пойдет на это. Сколько князей и бояр, от Греческого моря и до Варяжского, сего похода ждут, оружие вострят. Печенеги коней кормят. Как мы им, что Акуну ладожскому, что Ильбуге, станем про твоего Людяту рассказывать? Да они и не знают, что за Волынь такая.

– Ну, стало быть, не сладилось дело! – Етон угрюмо развел длинными костлявыми руками. – Мне мой отец сию землю вручил, мне о ней порадеть надобно.

– Это ты верно рассуждаешь... – раздумчиво проговорил Мистина. – Это мудро: чужого ища, своего бы не потерять. И все же... Дай мне еще денька три-четыре поразмыслить. Может, надумаю что.

Несколько дней прошло обыкновенно: киевских гостей позвал к себе на пир боярин Драгош, знатный морованин и младший брат покойной княгини, потом Семирад съездил с ними на лов в княжеские леса. Мистина охотно отзывался на всякие забавы, и незаметно было, будто он хоть сколько-то думает о делах. Но уже на другой день после лова он прислал к Етону отрока с просьбой повидаться наедине. Етон принял его в своей жилой избе – такой же, как все в городе, полуопущенной в землю, лишь богаче убранной красивой моравской посудой и увешанной медвежинами, чтобы защитить старые кости от сквозняков. На столе стояла та золоченая чаша –

Етон не приказывал ее прибрать в ларь, все любовался при солнечном свете и при огне светильника блеском золота и игрой самоцветов, будто грея усталые глаза в этом сиянии доблести и удачи.

Из нее он пил и сейчас. Киевский гость сел напротив него к столу и взялся за свою чашу – серебряную, старинной северной работы, из наследства еще князя Вальстена, Етонова отца.

– Ну, что? – Етон сразу перешел к делу, едва гость отпил глоток подогретого меда. – Надумал? Пойдете со мной на Людяту? При ваших силах Людяту раздавить нетрудно будет.

С глаза на глаз они говорили не по-славянски, а на языке, который дальние потомки викингов по старой памяти именовали «норрёна мол», то есть «северный язык», но славяне называли его русским – языком руси. Однако вновь прибывающие из Северных стран торговые люди и воины наемных дружин, главным образом свеи, понимали его с трудом: за сто – двести лет жизни среди славян язык потомков норманнов заметно изменился. Даже их родовые имена стали звучать по-иному: Аудульв превратился в Адолба, Ингивальд – в Ингивлада, а Фрейстейн – в Прастена. Также и обычаи их теперь являли собой причудливую смесь северных и славянских. Свообразием своим волынские русы, считавшие себя самым древним русским родом на славянских землях, немало гордились.

– Этой зимой уже поздно, – Мистина качнул головой. – Я не могу повести русь на Волынь без Ингварова позволения, а он вернется с данью, только когда вскроются реки. Тогда уже придет пора снаряжаться на греков.

– Ты можешь и без Ингоря, – прищурился Етон. – Я хоть и сижу от вас в дальнем углу, а тоже кое-что знаю. Без Ингоря в Киеве правит Эльга, жена его, а она слушает тебя.

– Ты льстишь мне. Я могу подать совет князю и княгине, но не вправе решать за них. Эльгу же едва ли соблазнит добыча с Волыни, когда этим же летом она получит... – Мистина вытянул руку по столу, чтобы Етону стал виден греческий золотой перстень с цветной эмалью и золотой витой браслет, – куда более ценные сокровища. Да и времени нет. Пока я вернусь в Киев, пока будем советоваться с дружиной, пока войско собирать – санный путь порушится, и все походы отложатся до лета, до травы... Так что не поможем мы тебе с Людятой в ближайший год.

– Ну тогда и говорить нам не о чем! – Етон помрачнел. – Стало быть, не сошлись дороги наши: вам своя тропка, мне своя.

– Не спеши так, – мягко посоветовал Мистина.

Он говорил спокойно, даже почти равнодушно, скрывая за этим тайное возбуждение. Дерзость пришедшего замысла поражала его самого, но он не был бы собой, если бы отступил без попытки схватить такую добычу.

– Ты долго живешь, повидал многое и знаешь, что к цели

могут вести разные пути, – начал он так, будто в свои двадцать шесть повидал не меньше, чем его собеседник к своим шестидесяти шести. И в чем-то оно так и было. – Есть один способ сделать так, чтобы ты был спокоен за свои земли и, оставаясь дома, получил добычу и выгоды нашего похода на греков, будто сам ходил с нами.

– Это как это? – Егон недоверчиво поднял седые косматые брови. – Что ты мне байки рассказываешь, будто на пиру перед девками!

– Не по годам мне уже перед девками разливаться, – слегка усмехнулся Мистина. – Трех чад имею... А вот ты...

– Что – я? – ощетинился Егон.

Никто не осмеливался напоминать либо намекать ему на проклятье Вещего, сделавшее его навек бездетным. Но в сидевшем перед ним госте, на сорок лет моложе, ощущалась такая уверенная, властная сила, мощь стоявшей за ним державы, что Егон, самолюбивый и не привыкший, чтобы ему перечили, сдержался.

– Сам знаешь! Ваш же дед, Вещий...

– Спасибо, что посчитал меня за его родню. – Мистина наклонил голову. – И ты прав: моя жена – родная племянница Вещего, дочь его младшего брата Торлейва.

– Да что ты? – Этого Егон не знал.

– Именно так. И мои дети – внучатые племянники Вещего, в них его кровь. Так что я вправе говорить от лица его рода. И скажу я вот что. Удача Вещего была велика, и его

проклятье сгубило будущее твоего рода...

Етон вздрогнул. Никогда в жизни он не слышал, чтобы его беду так прямо назвали по имени, и эти слова обрушились на него, как удар.

– Не мне судить, кто из вас был прав в том споре, да и толку с того не будет, – жестко продолжал Мистина. – Ты стар, у тебя нет ни сына, ни дочери, и едва ли будущее это изменит. Но род Вещего, отнявший твою удачу, может взамен поделиться своей.

«Поделиться? – спросили изумленные глаза Етона, вскинутые к лицу Мистины. – Удачей?»

– Удачу Вещего унаследовала Эльга и, как мы надеемся, ее сын Святослав. Ему сейчас пять лет, и дитяти лучше, здоровее и резвее нет во всем Киеве. Когда он вырастет, то совершит немало славных дел, прославит себя, свой род, принесет руси удачу, честь, богатство.

– Что мне расхваливаешь твоего... – Етон едва не сказал «щенка», – будто сватаешь!

– Он наш, но может стать твоим.

– Что?

Етон уставился на него, думая, не ослышался ли.

– Ты что... надумал мне его на воспитание... прислать?

В Северных странах знают старое правило: кто кому растит ребенка, тот и ниже положением. Если Етон возьмется воспитывать сына киевского князя, то признает того главой над собой – против этого восставало все самолюбие старика,

привыкшего не знать над собой никого. «Да вы меня в поле одолейте сперва!» – чуть не бросил он, но Мистина качнул головой:

– Я не мог бы так принизить тебя даже в мыслях. Твой род ничуть не хуже, чем род Ингвара и его жены, несправедливо будет сажать их сына тебе на колени.

– Ну так чего же ты хочешь?

– Когда придет пора отдавать Святослава мужчинам, растить его станет Асмунд – брат Эльги и моей жены. Брату матери это более прилично. А от тебя требуется кое-что другое. Объявить Святослава своим наследником.

Теперь у Етона не хватило сил даже на «что?», всем видом он изобразил такое изумление, что не смог промолвить и слова. Мистина мельком подумал: как бы не окочурился старик прямо за столом. Скажут потом, отравил...

– Насле... дником? – наконец еле выговорил Етон.

– Именно так. И когда дар Одина исчерпается, когда твой третий срок жизни подойдет к концу, удача Вещего будет охранять твою землю.

– Ну ты... – Етон слабо покрутил головой, не в силах подобрать слова для такой наглости. – Ты... дурнем меня считаешь, да? Мнишь, старый хрен из ума совсем выжил, садись теперь ему на шею?

Но перевел дух и замолчал: уверенный вид собеседника внушал убеждение, что тот говорит дело, и надо лишь немного подумать, чтобы это понять.

– Это что же... он меня проклял... продолжения рода лишил... и его же внукам моя земля следует? Может, для того он все и затеял, Вещий ваш, извод его возьми!

– Что ты потеряешь? – Мистина пристально взглянул в его выцветшие глаза, будто предлагая поскорее сообразить самому. – Родичей у тебя нет. Среди твоих людей нет никого, в чьих жилах течет благородная кровь, никого, кто может быть избран на престол после тебя хотя бы дружиной. Когда ты умрешь, твою землю захватят твои нынешние враги – тот самый Людомир волынский, у него есть права на этот город. Ведь у его дедов эту область когда-то отбил твой дед, верно? Он просто придет и возьмет свое и будет хвалиться, что сами боги пресекли род чужаков и вернули ему законное наследие. И смоеет с этой земли саму память о руси, будто никогда ее здесь и не было. На родовых могилах ваших его мужички будут пашенку пахать. Я же предлагаю тебе наследника – княжьего рода, потомка Одина, как и ты сам. Представь, что у тебя есть сын, зрелый муж, что он идет с нами на Греческое царство и возвращается со славой и добычей...

– Какого хрена мне представлять! – Возмущение придало Етону сил. – Из печки он, что ли, выскочит?

– После нашего похода ты получишь часть добычи и все выгоды договора с греками, как если бы сын твоего рода ходил с нами и покрыл себя славой, – обстоятельно пояснил Мистина. – Тебе будет выделена доля, как Сванхейд, Тородду, Хакону и Ингвару ладожским, Сверкеру смолянскому и

другим. Но их люди пойдут в поход и будут подставлять головы под греческие мечи и пики, а ты с дружиной спокойно останешься дома, как вполне прилично в твои почтенные годы.

Етон перевел дух и немного успокоился: странная речь приобретала приятное звучание.

– А к тому же ты раздавишь Людомира волынского, не вставая с места. Тебе не придется даже шевельнуть рукой, чтобы прихлопнуть его, как муху.

– Малец ваш, что ли, удалец на Людята за меня пойдет. – Етон усмехнулся. – Пять лет ему, ты сказал? Пока он меч возьмет, Людята уже...

А пристальный взгляд его выдавал, что этими словами он лишь дразнит собеседника, предлагает высказаться полнее. Не малолетний сын, но его отец, опытный в походах и богатый верной дружиной...

– Нет. – Мистина качнул головой. – Если Людята узнает, что твои земли унаследует Святослав, сын Ингвара, он сразу оставит мысли тревожить твой покой. Ведь убив тебя, он покусится на наследие Святослава. В тот день, когда Один призовет тебя, законным господином Плеснеска станет Святослав. И уж я тебя уверяю, он и его родичи ни дня не потерпят, чтобы здесь хозяйничал какой-то Людята. Ничего не будет для него глупее, чем идти ратью на Плеснеск – подставлять своих отроков под меч, чтобы сделать эти земли чужим владением и затеять войну с Киевом! Он не станет этого делать.

– Не станет? – недоверчиво повторил Етон.

От своего давнего недруга он вполне ожидал подобной глупости.

– Я сам ему объясню, как это было бы неразумно.

Етон еще раз осмотрел своего собеседника: уверенное лицо, нос с горбинкой от давнего перелома, на шее плетеная цепь торсхаммера со следами починки и еще какой-то ремешок, уходящий под шелковую греческую рубаху. Кафтан на соболях, крытый узорным шелком, пояс в серебре, меч, стоящий как годовая дань с не самого худого племени... А главное – глаза, серые, но в полутьме избы кажущиеся почти черными. Спокойные и безжалостные, полные уверенности в своей силе и своем праве взять все, что только захочется. В эти мгновения Етон истинно поверил, что этот человек вот этими руками столкнул с киевского стола одного потомка Вещего и возвел другого, перевернул судьбу целой державы.

И, надо думать, готов сделать нечто подобное снова.

– Уж больно ты самоуверен... для твоих-то лет, – безотчетно отгоняя эти тревожные ощущения, пробормотал Етон.

– Не так сильно, как можно подумать. Вижу, разговор наш утомил тебя, так что, если позволишь, я пойду.

Мистина встал и замер, выжидая, не прикажет ли ему хозяин снова сесть. Но тот молчал, и Мистина застегнул две верхние пуговицы на кафтане, расстегнутые ради тепла в избе.

– А что до уверенности... – сдержанно закончил он, – то,

знаешь ли, бывает, что Один к разным людям является во сне...

* * *

Боги и впрямь были на стороне этого удивительного соглашения – очень скоро пришла возможность сделать его гласным и обрести свидетелей. За день до того как киевские гости должны были отправиться восвояси, в Плеснеск приехал боярин из Луческа: князь лучан, Унемысл, приглашал Етона пожаловать на пир по случаю имянаречения дочери.

– Если позволишь, я поеду с тобой, – сказал Мистина, услышав об этом. – Ведь Унемысл и Людомира, надо думать, на пир позвал? Вот мы им всем сразу и объявим, на чем мы с тобой перед богами и дружиной мечи поцеловали.

Дороги по льду замерзшей Стыри было три дня. Луческ, старинный городец племени лучан, стоял на горе при слиянии Стыри и Глушца и был защищен крутыми речными склонами, а еще крепким частоколом. На пир к Унемыслу съехались знатные люди со всей Волыни – из Пересопницы, Дорогобужа, Бужска, Червеня. Был и Людомир, владыка Волыни – первого из городов этого края. Бояр, «передних мужей», то есть старейшин родов, было без счета – зимой у всякого есть время ездить по гостям, раз уж зовут. Народу собралось так много, что во всех избах Луческа внутри городца были постояльцы, – и на предградье, и даже в ближ-

них всяях.

Новорожденную боги послали Унемыслу и его жене-княгине после шестерых сыновей. «Я уж думал, – говорил Унемысл, – седьмой сын будет, знахарем станет». Этому долгожданному дару Мокоши оба супруга очень радовались. Уже миновало три месяца, пока дитя нельзя показывать, и на пиру новорожденную, впервые опоясанную красной нитью, вынесли к гостям. Молодая проворная нянька держала младенца в льняных пеленах, тонких и белых, будто снег, еще не долетевший до земли, а княгиня стояла рядом и улыбалась, прикрывая рот концом убруса – в многочисленных родах растеряла зубы. Была она уже не очень молода, былая красота лишь угадывалась в бледном лице с тонкой кожей, измятой первыми морщинами. Тем не менее Мистина, сияя приветливой улыбкой, расцеловал ее, преподнес шелковое покрывало и золотые подвески с лучиками из Греческого царства. Видно, не все припасенное раздал в Плеснеске.

– Чтоб дочка здоровой росла, – приговаривал он, прижимаясь губами к увядшей щеке княгини с таким пылом, будто перед ним была юная красавица, – чтобы была богата, как земля, да сильная, как вода!

Черед Мистины подносить дары был сразу вслед за Людомиром – пославший его Ингорь киевский стоял выше прочих малых князей. За ними шел Етон и остальные – несли новорожденной беленое полотно, тонкую шерстяную ткань, целыми корытами сладкие пироги, кадушки меда. Пови-

туха – одна из самых старых женщин в Луческе – разломала над головой роженицы с дочерью большой «Мокошин пирог» с кашей и стала оделять гостей кусками.

– Тебе сынка, – говорила она, давая кусок с горбушкой, – а тебе дочку, – если попадалось из середины.

– Пусть дочка княжья растет, да замуж идет, да живет, детей рожает, старится, седеет, внуков и правнуков качает, – отвечали те.

Почти все приехали с женами, и не только женщины, но и мужья их разглядывали новорожденную с неподдельным любопытством. Здоровая, упитанная, та была весьма хороша – миленькое личико, большие глаза. От нее так и веяло теплой силой свежего ростка, которому дай только волю – живо потянется к солнцу.

– Ух ты какая, Величана свет Унемысловна! – усмехнулся Любай, князь пересопницкий. Хвалить дитя вслух не полагалось из опасения сглаза, но весь вид его выражал одобрение. – Глади, отец, не пройдет и лет пятнадцати – за нее все молодцы знатные тут у тебя передерутся!

Унемысл улыбнулся, а княгиня опустила лицо и поднесла к нему край убруса. Мистина сначала было подумал, что так хозяйка скрывает свою беззубую улыбку, но тут же понял: она плачет.

– Ну, подружие моя, не рви ты так сердца своего! – Унемысл обнял ее за плечи. – Мало ли что старые бабки наболтали. Ум прожили, а туда же – судьбу предрекать... Шестеро

сынов у нас – что крепких дубков, глядишь, и дочка будет ясная звездочка...

Старшему княжескому сыну было уже двенадцать; стоя позади отца, он зачарованным взглядом уставился на блестящую серебром и золотом рукоять меча у пояса Мистины. Перехватив этот взгляд, Мистина украдкой подмигнул. На уме у него был пятилетний Святослав: как знать, может, через пятнадцать лет он задумается как раз об этой невесте? И весьма возможно, к тому времени право решать судьбу Величаны перейдет к этому отроку.

– Иди, поближе посмотри, – пригласил он юного княжича, приветливо кивая. – Второй такой меч еще поискать – не у всякого князя есть.

Ему ничего не стоило приобрести дружбу человека любого пола и всякого возраста – он толком и не думал, как это у него получается. В невидимых лучах исходящей от него силы каждый и себя самого ощущал каким-то более сильным и значительным человеком.

Старший княжич оглянулся на двоих братьев помладше, потом вспомнил, что он-то с осени опоясан взрослым поясом, и решительно шагнул к киевскому воеводе.

– Отойдем – а не то женки клинка испугаются. – Мистина передвинулся к стене, где через оконце в обчину лился ясный солнечный свет, и снял с плеча перевязь. – Смотри. – Он наполовину вытянул меч из ножен.

Под солнечным лучом начищенная рукоять остро вспых-

нула золотом, проступил узор на клинке.

– На Рейне лучшие мастера ковали – среди людей им равных нет, только карлы под землей... или Сварог сам, – добавил он, вспомнив, что обращается к отроку словенского воспитания. – Посмотри, как меч собран!

Он повернул лезвие, и его узор, вспыхнув, проступил явственнее.

– Посмотри ближе, не бойся. Видишь – в середине он словно из сотни змей перевитых слит, – Мистина поднес палец к поверхности клинка, однако не прикасаясь к нему. – Руками не трогай. – Видишь, одни темные, другие светлые, по всему долу от рукояти вьются, и ни единого между ними просвета. Хоть целый день гляди – ни одной трещины не найдешь. Такой клинок не погнется, не сломается, наступи на него хоть... мамонт подземельный! Его можно в кольцо свернуть, он сам распрямится, как живой, и будет прежним.

Мистина вынул клинок из ножен целиком, привычно перекинул из руки в руку, и тот засверкал под солнцем тонкой голубоватой полоской по краям.

– Он у меня давно – отец подарил мне его, когда семь лет назад отсылал нас с Ингваром из Пересечена в Киев. Это была моя доля добычи, и я не пожелал бы себе лучшей. С тех пор он побывал со мной во многих битвах, прошел половину Греческого царства. Бывало, что на него приходились удары чужого оружия, как-то я случайно попал им по камню – а на нем ни зазубрины. И ни разу мне не приходилось его точить.

Сдается мне, остроту таких мечей хранят сами боги. Поистине это божественное творение.

– Такие, говорят, в крови рабов закаливают – живому в брюхо всаживают, – заметил кто-то из луческих бояр, слушавших со смесью зависти и неодобрения. – Там, у сарацин.

– Всякий кузнец тебе скажет, – Мистина улыбнулся, глядя вдоль безупречно прямого лезвия на солнечный свет, – что это брехня. Такую закалку в холопьем брюхе не сделать.

Продолжая говорить, он принялся вертеть мечом возле себя; клинок двигался легко, будто ничего не весил, а его раззолоченная рукоять как привязанная держалась возле кисти Мистины. Казалось, он и не может упасть, что меч сам держится за руку хозяина, а тело Мистины лишь перетекает вслед за движениями меча в воздухе. И зрелище это способно было заморозить не только отроков.

– Поглядите, как он лежит в руке! – К тому времени слушателей у Мистины стало куда больше. – Я немало мечей видел, немало держал, но ни один так не ложился в ладонь, как этот. Набор к нему мне в Киеве делали, это работа Берга, а равные ему умельцы есть только в Хольмгарде у госпожи Сфандры. Не всякий такую рукоять сработает. Богатые рукояти не всегда удобны – иные вожди заказывают наборы, чтобы красиво смотрелись на стене позади сиденья, перемигивались с чашами на столе, да и все. Чтобы ходить с ними по гостям, гордясь собой и своим богатством. Но в бою эти украшения стен не более полезны, чем весло. А на мой по-

смотрите!

Он вытянул вперед левую руку и, описав мечом нисходящий полукруг, подбросил его, почти заведя кисть правой под выставленный локоть. Не уберя он руку – клинок отсек бы ее, не замедлив своего вращения. Но пока тот летел, Мистина стремительным движением развернулся вокруг своей оси и, отступив на шаг, не глядя взял меч из воздуха, словно и не отрывал руки от рукояти.

– Рукоять сама в руку идет, – добавил он под изумленное оханье.

И ничего не стоило подумать, что это правда. Что все волшебство – в мече и что с этим оружием в руке любой отрок мог бы проделать то же самое.

– Смотри, – Мистина повернул золотую узорную рукоять к Унемыслу, который тоже подошел поглядеть на диво.

– Да... Хорошая работа, – согласился Унемысл.

Остальные закивали, но, когда Мистина убрал меч обратно в ножны и повесил на плечо, на лицах отразилось смущение и недовольство. Всем вдруг стало неловко, что в этой родовой луческой обчине они, опоры земли волынской, повернулись спинами к чурам у очага и слушают похвальбу киевского варяга.

– Прошу за столы! – Унемысл развел руки. – Что вы вскочили, гости дорогие, будто мне больше и подать нечего!

Гости с шумом отхлынули, стали рассаживаться по прежним местам. Только княжич все стоял столбом, не отрывая

глаз от золоченой рукояти. Перед глазами его так и стояло – как она вьется вокруг кисти Мистины, будто привязана к ней невидимой силой.

– Был бы ты русского рода, тебе такой подарили бы, – вполголоса заметил Мистина, глянув на его пояс. – Ну, не совсем такой... такой заслужить надо... Но тебе в мечях толк знать полезно. Вот подрастет сестра – от женихов отбою не будет, верно? И вот подумай – придет какой-нибудь пес наряженный к ней свататься, а ты ему: ну-ка, кто тебе родня и где ты сражался?

– Та я не знаю... – Отрок, с трудом оторвав жадный взгляд от меча, глянул ему в лицо. – Она, может, до женихов не доживет...

– Что так? На вид крепкая, как репка!

– Да бабка нагадала... нитки наговоренные утонули... померет, бают, рано. Мать вон сокрушается.

Княжич вздохнул. Мистина бросил взгляд на княгиню – она уже утерла слезы, но в глазах еще тлела сердечная боль.

– Запомни, отроче, – проникновенно сказал Мистина, наклоняясь с высоты своего роста и приподняв подбородок старшего Унемыслича. – Плюй на то, что тебе предрекают. Прокладывай путь своим мечом, не вини других в своих бедах и не жди, что кто-то придет умирать за тебя. Будь сам своим спасителем и стойко принимай плоды от тех семян, что сам посеял. Тогда прославлен будешь меж богов и смертных.

Забыв о мече и даже о матери, подросток зачарованно смотрел в суровые серые глаза гостя, где отражалась душа отважная и твердая, как самый лучший рейнский клинок.

* * *

«Плюй на то, что тебе предрекают. Прокладывай путь своим мечом. Стойко принимай плоды от тех семян, что сам посеял. Тогда прославлен будешь меж богов и смертных...»

Лежа в санях, по самый сплюснутый нос, укутанный пушистой новой медвежиной, Етон всю обратную дорогу поневоле вспоминал слова Мистины. Со своими людьми он держал путь домой, вверх по Стыри. Киевского гостя с ним больше не было: от Луческа Мистина поехал на восток, в Деревскую землю, подвластную его господину. Однако Етону все не удавалось отделаться от ощущения его присутствия: дней за десять Мистина Свенельдич прямо под кожу влез со своими стальными глазами, походкой хищника и силой, которая, казалось, способна сокрушить все, однако своим владельцем носится без малейшего труда. Етон повидал много разного народу и не ждал, что какой-то молодец, годящийся во внуки, сумеет его так задеть. А сейчас втайне чувствовал себя старым дурнем, что изжил свой век и не поспекает за новым.

«Плюй на то, что тебе предрекают...» Может, зря он так близко к сердцу принял слова Вещего? Да нет же. У него бы-

ло три жены... ну да, три. Сперва Вальда, дочь Фурстена, – на их свадьбе Вещий и проклял его. Потом Стана, Добренева дочь, из Бужеска. И наконец Воинка, дочь семейства знатных морован, что еще лет двадцать назад бежали на восток от угров и нашли здесь приют. Стана прожила с ним всего два года. Ей единственной удалось забеременеть, но она внезапно умерла за пару месяцев до родов – так и не поняли отчего. И она, и две другие были не хуже прочих жен и очень хотели иметь детей. Етон ни в чем не мог попрекнуть их по бабьей части. Каждую зиму его поили отварами семян подорожника и крапивы, женская изба пропахла спорышом и матушником. Всякий год из полюдья привозили новую бабу-ведунью, славную в своей волости, с заветной травкой или еще каким средством, что, дескать, хоть колоду сухую сделает яблоней плодоносящей. Его жены сидели на всех лавках, где перед тем родила другая баба, и лежали на месте рожениц с чужими чадами; носили сорочки многодетных матерей; ели почки впервые зацветших яблонь и слив; ходили с дарами ко всем священным дубам и липам в округе; носили при себе девять зерен с девяти дворов; к еде им подмешивали кровь зайца... Одна знахарка даже велела съесть сердце ежа. Купцы-фариманы, ездившие в Царьград и Корсунь, привозили розовое масло: дескать, мудрецы-лекари греческие лечат бесплодных жен настоем на масле от белой розы, а мужей – на красной. Но и греческая мудрость не помогла против проклятья Вещего. Долгий Етонов век клонился к

земле, а наследство свое пришлось обещать внучатому племяннику, погубившему род злодея...

Пятьдесят лет он носил на шее серебряную пластинку с четырьмя рядами рун. Этот науз ему сделал старый Хавтор – отец Фурстена, дед его первой жены.

Светлым щитом
Могучих жен
Прикрыт Амунд
От разящего зла, –

он помнил эту надпись, хотя за пятьдесят лет черточки стерлись, глаза его ослабели, да и разбирать старинные руны, которым Хавтор в далекой-далекой юности учился у собственного деда еще где-то в Ётланде, он толком не умел. Но это было и хорошо: если никто теперь не может прочитать старинные знаки, то и запечатанное ими волшебство не порушить. Он привык к этой подвеске на серебряном колечке, а сейчас вдруг вспомнил о ней и подумал: да волшебство столетней давности давно выветрилось. Пора ему поискать на остаток жизни иную опору, покрепче.

Но может, зря он смирился? И впрямь ослабел под старость! Прокладывай путь своим мечом – вот как они рассуждают, эти киевские, и делают так. Недаром же Ингорю принадлежат сейчас земли от Ладоги близ Варяжского моря до Пересечена – почти на море Греческом!

О своем уговоре с потомками Олега Вещего Етон объявил

на следующий день после имянаречения княжѣй дочери Величаны – когда Унемысл давал пир в обчине уже без жен, для мужей. На киевского гостя волынiane, лучане и бужане тарасили глаза не меньше, чем на гордого отца. Хозяину честь и радость, но все эка невидаль – девчонка родилась. А вот на царство Греческое никто из сидевших в обчине не ходил, лишь кое-кто слышал от отцов об Олеговом походе. Слушая повесть о разорении берегов Боспора Фракийского, о походе по Вифинии, о чудном городе Ираклии, где даже избы из марамора и величиной с гору, все дивились и завидовали. И верили. Как не верить, когда Свенельдич подарил новорожденной золотую греческую номисму – «чтобы купила себе сестричку». Видать, у Ингоря теперь этих златников и сребреников полные короба!

Даже Людомир волинский – молодец лет двадцати пяти, темноволосый, в угорскую родню матери, – молчал и лишь покусывал в досаде губы под вислыми черными усами. Не решился пройтись насчет старческой немощи Етона, без войны уступающего потомкам недруга свою землю – когда за спиной у того стоял Мистина, живое воплощение и мужской, и воинской, да и державной мощи. Не понапрасну он играл мечом перед отроком – зрелые мужи увидели и поняли не сказанное вслух. Вся родовая знать Волини и Побужья вошла в число послухов их уговора.

А Людомир, поглядев, как князья и бояре клянутся на золотом обручье, что слышали и знают условия ряда, вдруг

взмахнул шапкой и спросил Мистину, не нужны ли им еще отроки в поход. Решил не упустить славы и добычи – не здесь, так хоть у греков. Етон и вздохнул с облегчением – в это лето Людомир на Сереть не явится. Пожалел было о сделанном, да скоро смекнул, что это облегчение – первый плод уговора.

И если он, Етон, примет ту судьбу, что нынче посеял, то совсем скоро владения киевских князей протянутся на запад до верховьев Стыри и Серети – сюда, в Плеснеск. А владея Плеснеском, с их-то силищей за спиной, лишь делом времени будет дойти до Бужска, до Червеня... Волынь уже конечно, Людомира они за спиной не оставят. А там дальше Перемышль... Глядишь, и ляхам придется потесниться. А он, Етон, будет лежать в высокой могиле, но о нем никто уже не вспомнит. Ибо не останется на земле его крови, а с ней и памяти его рода...

Прокладывай путь своим мечом... В Ингоровом побратиме была сила – из-за нее Етону и сейчас казалось, будто тот где-то рядом. Находясь поблизости, он подчинял без всяких видимых усилий. Но Етон и сам был упрям, и теперь, не видя киянина, вытягивал душу из-под его влияния и раскидывал умом, как бы приспособить эту мудрость себе на пользу. И волынские русы не хуже киевских умеют мечом пролагать путь к славе! Они умели это еще полтора столетия назад – тогда на днепровских горах о руси и не слыхал никто. Поляне дань хазарам платили и довольны были. Здесь, на правом берегу

Днепра, хазар не видали и головы не клонили перед чужаками, с тех пор как обров избыли...

Ехать по холоду весь день старику было не по силам. Несколько раз останавливались в прибрежных селениях, чтобы погреться и подкрепиться. После полудня пристали в Гаврановой веси, над самой рекой. Отроки помогли князю выбраться из саней и отвели к Дубояру – старшему среди селян. Етон хорошо его знал: проживая довольно близко от Плеснеска, Дубояр нередко там бывал. Ездил на торг, на принесение жертв в плеснецком святилище в большие праздники, на Карачун и на Перунов день, сидел среди старейшин на княжьих пирах.

Знатного гостя постарались принять получше: усадили на хозяйскую лежанку близ печи, поднесли горячего отвара брусничного листа с медом. Боязливо-благоговейно косясь на знатного, но уж очень страшного собой гостя, хозяйка поспешно выставила на стол квашеной капусты, соленой рыбы, хлеба, поставила в печь широкогорлый горшок. Отроки снаружи развели костер и повесили котел – готовили кашу себе на обед. Дожидаясь угощения, Етон толковал с хозяином о разных делах. Здесь уже знали о договоре с Киевом и любопытствовали, «что теперь будет».

Беседе мешал детский писк. Старшие Дубояровы сыновья уже жили своим хозяйством, при нем остался младший и его семейство. Среди троих-четверых мальцов, поползунов

и дыбунов⁴, Етон скоро заметил одного – лет трех от роду, тот был не по годам крепок и боек. Играя в одной драненькой рубашонке на полу – зимой детворе не было ходу наружу, – он легко забарывал сразу двоих-троих братьев.

– Да ну тебя! – выбранилась хозяйка, когда орущий клубок подкатился к ней под самый подол и едва не заставил выронить горшок. – Поди прочь! – Она схватила малолетнего буяна за руку и с силой отпихнула прочь. – Чтоб пес тебя унес – назад туда, откуда принес!

И такая злость слышалась в ее голосе – так не кричат на родных детей, даже если те уж очень докучают. Малец отскочил и заревел – но скорее злобно, чем обиженно.

– Песий сын! – проворчала баба. – Божанка, ломотна трава, да забери ты его с глаз долой, гостям покоя нет!

Подбежала невестка и подхватила дитя – но тоже без особой любви.

– Что это твоя баба его песым сыном кличет? – хмыкнул князь. – Не ваш он, что ли?

– Да какой он наш, когда песий! – Дубояр развел руками. – Ты через двор шел, отца его видал, он брехал на вас...

– Что ты? – Етон вспомнил остроухого серого с белой грудью пушистого пса во дворе. – Байки сказываешь! Не может пес дитя человечье родить!

– Да он же у тебя кобель! – хмыкнул Думарь, Етонов те-

---

⁴ Поползун – маленький ребенок, еще не умеющий ходить; дыбун – уже встающий на ноги и делающий первые шаги.

лохранитель.

– Родить не может, а приволочь может. Уж лета три тому. Был я тогда в лесу, жарынь новую смотрел, – с охотой принялся рассказывать Дубояр – видно, что не в первый раз. – И Серый мой со мной, бегал, вевериц гонял. Прилег я отдохнуть под березой, слышу, он брешет. Да лень вставать – побрешет, думаю, перестанет. По голосу слышно, не зверь какой, а так. Может, нашел чего. Он и правда, побрехал и унялся. Смотрю, идет – и дитя несет мне, в пеленках мокрых. Дитя плачет, а пес довольный – гляди, добыча! Я вскочил да и бежать – думаю, там женка мечется глупая, дитя проспала. Березняк весь обегал – нету никакой женки. Кричал, звал, аж охрип – тишина. А надо уж домой идти. Понес его домой, думаю, там еще поищем. У нас в Гаврановой все мальцы у матерей при себе. Дали невестке кормить – она два года как родила, уж своего хотела отнимать. Искали по волости – никто ни дитя, ни бабы не терял. Не нести же его в лес назад – так и оставили.

– И не проведали, откуда взялся?

– Так и не проведали. – Дубояр опять развел руками. – Бабы толковали, что, может, дивья жена⁵ родила да нам подбросила... так и прозвали Вещаком⁶.

– Да там она и была, дивья женка, да ты ее не разглядел! – вполголоса напомнила его собственная жена, видимо, о том,

---

⁵ Дивья (дива) жена – лешачиха у южных славян.

⁶ От «вешчак» – «сын вештицы, дикой женщины».

о чем уже не раз говорила. – Дивью жену только тот может видеть, кто в полнолуние родился. То-то потешалась она над тобой, на березе сидючи...

Но Дубояр махнул на нее рукой:

– Так променьши, подверженцы⁷, они уродливые, а это ничего вроде... видел я и пострашнее младенцев. Хвоста нет, уши как у людей...

– Дай-ка поглядеть! – полюбопытствовал Етон.

Кликнули невестку; та привела дитя. Мальчика поставили перед Етоном. Тот повертел его, придерживая костлявой рукой за плечико, заглянул в лицо, в бойкие глазенки, коснулся спутанных, тонких светлых волос. Мальчик вдруг вытянул ручку и едва не схватил князя за нос – хозяева охнули, а Етон засмеялся:

– Ишь ты! Не боится меня!

– Хоробром вырастет! – хмыкнул Думарь.

Велев увести мальчика, Етон в изумлении покачал головой.

– Вот так басня! Третий век живу, а не видал, чтобы пес дитя родил...

Хозяин засмеялся, потом махнул рукой:

– Да по нему и видно, что песий сын. Крепкий, как бычок, да задора такой, драчун. Упрямец растет. Не дождусь, как ему семь лет будет, отдам его «серым братьям»... – Он понизил голос. – Там у них ему самое место. Лес его родил,

---

⁷ Подверженец – дитя, подброшенное людям русалками, мавками и прочей нечистью женского пола.

пусть в лесу и живет.

Етон закашлялся и перестал смеяться. Но взгляд его изменился – он будто вдруг увидел нечто очень далекое. Не то в минувшем, не то в будущем...

– Лес, значит, его породил... – пробормотал он.

– Выходит, лес. Дивья женка – мать, леший – отец... а может, так, из земли сам завелся. Иной родни нету у него, и теперь едва ли уж кто объявится.

Князь не ответил. Баба подала кашу, с гордостью поставила березовую солонку в виде уточки, жаренный на сале лук, пареную репу с медовой подливой, горячий сбитень на лесных ягодах. Хозяин разломил хлеб, поднес почетному гостю. Етон молча ел, отрезая поясным ножом кусочки поменьше и макая хлеб в похлебку – у него осталось всего несколько зубов. И все думал, и взгляд его пугал хозяина: он видел уже не просто далекое, а где-то в Нави находящееся...

Когда после еды сам Дубояр поднес гостю рушник, Етон придержал его рядом и сказал, понизив голос:

– Ты вот что... Ты за щенятей вашим приглядывай, как бы с ним чего не приключилось. Я, станется, его у тебя заберу. Не сейчас, а после пришлоу отрока. Вот, Думаря пришлоу, он человек верный. Малец ваш и правда лесного рода, от житья его с людьми добра не будет. И молчи. Соседям и родичам ни слова. Дело наше тайное. Будут спрашивать, скажи, помер, да и все. Подверженцы ведь и не живут долго.

– Как скажешь, княже, – Дубояр в удивлении поклонил-

ся. – Дело твое... тебе виднее... Чего мне его жалеть, своих внуков шестнадцать голов...

Снова очутившись в санях, укутанный в медвежину, Етон ехал по замерзшей Стыри, будто по мягкому облаку. Голова кружилась, а старое сердце напевало – впервые за много лет. «Плюй на то, что тебе предрекли», – сказал киянин с вызывающим безжалостным взглядом. Ну так что же... Он, Етон сын Вальстена, старик, живущий уже третий человеческий век, тоже найдет в своих ослабевших руках достаточно сил, чтобы переломить судьбу. Пусть поздно... нет. Еще не поздно.

* * *

Дружина Мистины Свенельдича вошла в Киев поздним вечером. Уже стемнело, отроки сторожевого десятка заперли ворота Олеговой горы, но отворили, услышав снизу знакомые голоса. За день пути по снегу люди и кони устали, промерзли, и большую часть оружников Мистина от ворот распустил по домам. С ними послал поклон жене и приказ топить баню, а сам с тремя телохранителями поехал на княжий двор. Конечно, и там уже закрыли ворота, и госпожа, покончив с дневными делами, удалилась к себе в жилую избу. Но Мистина не боялся потревожить покой княгини. Она сильнее рассердится, если он, приехав в город сегодня, не явится перед очами до завтра и заставит ее провести еще од-

ну ночь в тоскливой неизвестности.

Эльга и правда уже сидела в избе одна, со спящим Святойкой и двумя служанками. Отрок осторожно постучал со двора. Эльга послала Совку узнать, что там.

Та поспешно вернулась с радостной вестью, сияя и улыбаясь во весь рот:

– Свенельдич приехал!

Эльга вскочила и устремила к порогу. Наконец-то! Голова загорелась от нечаянной радости – всего миг назад она с трудом проживала еще один томительный одинокий вечер, обещавший перейти в такую же томительную одинокую ночь. Два с лишним месяца длились, словно целый год; окруженная множеством людей, она чувствовала себя, как в глухой чаще, когда Мистины не было в городе. Но он вернулся, и мир вокруг сразу стал светлым и теплым, сам воздух вливался в грудь, будто горячее вино.

Мистина вошел, наклоняясь под низкой притолокой и на ходу стаскивая шапку; длинный хвост густых светло-русых волос упал на заснеженный плащ. Эльга подбежала к нему и встретила прямо за порогом; только успев закрыть за собой дверь, Мистина взял ее руки в свои, прижал к лицу и стал целовать. От его плаща и бобрового кожуха веяло снегом и холодом, потому она не пыталась его обнять. Но он все же наклонился и поцеловал ее: на нее пахло запахом кожи, меха, дыма, лошадей – и его собственным запахом, который был для нее слаще всего на свете. Вызывал горячий ток в

крови и неудержимое желание прижаться к нему изо всей силы, не глядя ни на какие преграды.

– Я только поздороваться, – выдохнул Мистина, оторвавшись от ее губ. – Грязный как черт... Ехали весь день... С Веленежа в бане не был.

– Хоть мне знать, что с вами все хорошо... что ты дома... я так ждала тебя... Ничего особо важного, но я так соскучилась... – Эльга положила руки ему на грудь, на мокрый от снега толстый шерстяной плащ. Даже драконьи головки на концах круглой застежки плаща как будто с радостью скалили зубы ей навстречу.

– Я соскучился. И это – важно! – Мистина улыбнулся и еще раз поцеловал ее.

Потом все же расстегнул плащ, снял кожух, бросил верхнюю одежду на лавку. Увидев Эльгу, он уже не мог «только поздороваться» и уйти. В разъездах он думал о ней каждый свободный миг – и особенно на обратной дороге, когда дела уже были сделаны. Досадно было терять два месяца зимы – поры, когда Эльга жила в Киеве, а Ингвара здесь не было, – на поездку к старому черту. Но от успеха будущего похода на греков зависели судьбы и их обоих, и всей земли Русской. С седла глядя сквозь снегопад, как плывет мимо заснеженный лес и вылизанные метелью луга, ничего не было приятнее, чем воображать эту избу, эти ковры на стенах и расписные блюда на полках, эти лари и ларчики, знакомые ему, как родня. Мерещилась белизна настилальников княжеской по-

стели в теплой полутьме спального чулана, и от мысли о них охватывал томительный жар. Сам воздух здесь казался ему сладким – и живым теплом все это наполняла не печь, а она, Эльга.

Он помнил эту избу без нее, когда вернулся от греков и не застал ее здесь – каждое бревно стен тогда казалось мертвым.

– Есть хочешь? – Эльга смотрела на него, будто впитывая глазами его облик, но не забывала о насущном.

– Хочу. Дай чего-нибудь, пока буду рассказывать.

– Парни твои где?

– В гриднице. Со мной трое только, прочих отпустил.

– Совка! – Эльга оглянулась. – Беги скажи Белянице...

Совка с готовностью кивнула и тут же унеслась, едва не забыла собственный овчинный козук набросить. Надо понимать, успела заметить, что в числе тех троих имеется Арне. Эльга сама расставила по столу все, что заспанная Добрета вытащила из голбца: тонкие белые лепешки, телятину с медом и брусникой – осталось от ужина, пирог с дичиной. Сначала села у стола, глядя, как Мистина жадно ест, и наслаждаясь самим его присутствием. Потом встала позади, положила руки ему на плечи, стала гладить по шее. Наклонилась, прижалась щекой к его затылку, блаженно вдыхая запах волос.

Вот уже больше года, как она, разорвав свое супружество с Ингваром, поддалась наконец влечению к его побратиму, и каждый раз при касании к его коже ее пробирала дрожь наслаждения. Никакие царские сокровища из Греческого цар-

ства – ни многоцветные узорные шелка, ни золотые эмалевые подвески с жемчугом – не были в ее глазах красивее, чем горбинка от перелома на его носу, с тонким, едва заметным шрамом на правой стороне, его высокий лоб, острые скулы, густые светло-русые волосы, сильные плечи...

Не напрасно она несколько лет противилась своей страсти к Мистине – уступив, она теперь с трудом принуждала себя подумать о чем-то другом. И не напрасно она уступила – в слиянии с ним душой и телом она ощущала себя сильной и мудрой, как богиня, становилась чем-то большим, чем была прежде. Без него она не вынесла бы того, что обрушилось на нее в последний год: поражение Ингвара в первом походе на греков, возвращение мужа с новой болгарской женой. Тогда она думала, сердце лопнет, не выдержав такого удара. И как бы она справлялась сейчас, когда они с Ингваром разделились и правили Киевом поочередно? Летом Ингвар жил в Киеве, а княгиня в Вышгороде; зимой же Ингвар уходил в полюдье, а Эльга водворялась в стольном городе как полновластная госпожа. Для управления дружинными делами у нее имелся двоюродный брат Асмунд, человек толковый и надежный. Но Мистина был чем-то большим, чем просто воевода. От богов наделенный силой медведя, ловкостью ящера и упорством текущей воды, он находил выход из любой чащи. Где лаской, где хитростью, где силой, действуя неуклонно и безжалостно, он всегда добивался цели, а этим и восхищал, и ужасал ее. Но пока он был на ее стороне, стоял

за спиной, она жила с чувством опоры под ногами, прочной, как сама земля. Как иначе она, молодая женщина, справи-лась бы с таким грузом?

И не подумаешь, что один человек может заключать в себе больше чувств, ощущений, мыслей и событий, чем весь белый свет, пока не встретишь такого.

Мистина перестал есть и запрокинул голову; Эльга запустила пальцы в его волосы; мысли таяли, уступая место одному неодолимому стремлению...

– Я сейчас никуда не пойду... – выдохнул он с закрытыми глазами. – Даже в баню...

– Не ходи.

Мистина поднялся, перешагнул скамью, сжал в ладонях лицо Эльги и стал самозабвенно его целовать. Не прекращая этого занятия, Мистина оттеснил ее к спальному чулану; она цеплялась за него, чтобы не споткнуться, но эта опасность страшила ее куда меньше, чем необходимость оторваться от его губ хоть на миг. Едва утоленный голод, усталость от пути – все исчезло вблизи нее, как уже много лет исчезали все доводы рассудка перед этой страстью. Внешне оживленный и дружелюбный, на самом деле Мистина был не щедр на привязанности и душевную близость. Но Эльга с самого начала владела каким-то волшебным ключом, отпирившим тайники его сердца, отчего все существо наполнялось сильнейшим желанием – взять ее всю и отдать ей себя всего...

– Ну что, пойдём со мной в баню? – привычно пошутил Мистина, лежа на боку и переводя дух.

Эльга молча стукнула его по плечу: этой шутке было лет пять, и она порядком ей надоела. И тут же принялась гладить давно заживший, неглубокий, но длинный шрам на груди – ту самую отметину от пики катафракта в битве под Ираклией. Шрамы на левом плече и спине был куда страшнее – вот та рана и впрямь могла оказаться смертельной. Эльга до сих пор содрогалась, когда видела их – те проломы, через какие Марена в тот далекий уже день едва не вытянула его жизнь. На второй год их багровый цвет постепенно стал переходить в сизый, но так они выглядели даже страшнее. И как ни странно, украшали Мистину в её глазах. Не всякий может пройти по краю смерти и заглянуть за него, не обронив уверенности, отваги и веселости.

– Ну что? – Эльга села, натянула ворот сорочки на плечи. – Как там Старый Йотун? Потащит он свои древние кости в поход?

– Старый черт – нет. Но с нами пойдут волыняне, и даже, я думаю, с князем своим Людомиром. А тот в поле получше Етона будет – молодой и задорный.

– Ты и в Волыни был? – удивилась Эльга.

– Нет, я его видел в Луческе.

– Каким ветром тебя в Луческ занесло?

– У Унемысла пили за имянаречение дочери.

– Ты можешь толком рассказать? – Эльга нахмурилась.

– Могу, если ты мне позволишь.

Мистина помолчал. Сейчас ему было так хорошо, что все на свете князья и их наследства казались сущей мелочью, не стоящей того, чтобы даже пошевелиться в теплой и мягкой постели, рядом с самой прекрасной в его глазах женщиной на свете. Он любил ее шесть лет назад, тогда она еще не была женой Ингвара, но должна была ею стать и отвергла других женихов – его, Мистину, в том числе. Три года назад он уже знал, что она желает его почти так же сильно, как он ее, но сомневался, что сумеет склонить ее к измене мужу и к потере чести в собственных глазах. Ингвар сам ему помог – чуть ли не вручил свою жену побратиму, когда привез из Болгарского царства другую супругу, Огняну-Марию. Такого оскорбления Эльга не снесла, и Мистина, вернувшись из похода позже всех, но с наилучшей добычей, получил то, что было для него дороже всего греческого золота.

– Я с Етоном ряд положил, – начал он, мысленно вернувшись к самому главному. – От имени вас с Ингваром и Святки. Етон не идет с нами на греков – но мы ничего не теряем, потому что идут воляняне. Етон получает все выгоды нашего будущего договора с Романом и часть добычи, а зато он признал Святку своим наследником. Когда старинушка на дрова присядет, Плеснек достанется Святке.

– Что? – осторожно спросила Эльга.

Она не верила своим ушам – за шесть лет близ киевского стола она привыкла видеть в Етоне плеснецком упорно-

го врага Олегова рода. Повесть о том давнем проклятье она слышала еще в детстве – в далекой Плевсковской земле, от своего отца – младшего брата Вещего.

Мистина спокойно повторил самое главное – он понимал, почему она вдруг стала туга на ухо.

– Святка теперь законный наследник Етона. На сем я и Етон поцеловали мечи в его плеснецком святилище, перед богами и всеми тамошними боярами и чадью. А в Луческе Унемысл и прочие поклялись на золоте, что знают о сем уговоре. Даже Людомир поклялся. Ему это было что с ежом поцеловаться, но не мог он перед всем князем волынским отказать. Перед ним же наш ряд излагался, и он слушал живее всех.

– И во что нам это счастье обошлось? – уточнила Эльга, из осторожности не спеша радоваться.

– Етон сидит у печи, но получает все по договору с греками, как будто тоже с ними воевать ходил. А договор с Романом у нас будет... – Мистина повернул в темноте голову в ее сторону, – нынешним же летом, если...

Он понизил голос, хотя от избы, где сидела только Добрета, их отделяла бревенчатая стена и закрытая дверь:

– Если Боян нас не наярил.

– То есть мы должны Етону только будущую шкуру Романа... кусочек...

– Половину передней лапы...

– А за это Святка получает после него всю его землю и

сам Плеснеск?

– Да, – подтвердил Мистина с выражением, дескать, такая безделица.

– Ты... – Эльга помолчала, глубоко вздохнула и в темноте провела пальцами по его лицу, будто освежая в памяти его черты. – Ты просто...

– Я хитер, как змей, – подтвердил Мистина ее невысказанную мысль. – Ты же знаешь!

Ее рука скользнула к нему на грудь, коснулась оберега – медвежьего клыка, где с одной стороны была искусно вырезана морда ящера, а с другой – чешуйчатый хвост.

– И даже если из-за детей болгарыни Святка потеряет кое-что на юге, он уже приобрел кое-что на западе. И этого мы ни с кем делить не станем...

Последние слова Мистина произнес уже совсем другим голосом – будто перешел мыслями на иной предмет. И потянул ее к себе, так что Эльга села на него сверху и склонилась к его лицу.

Внизу живота возникла горячая волна, и Эльга мигом забыла, о чем они сейчас говорили. Киевской княгине не исполнилось еще двадцати двух лет; принужденная решать судьбы людей и целых держав, она была достаточно молода, чтобы запах Мистины, ощущение тепла его тела, его гладкой кожи и литых мышц под ее пальцами разом вытеснили мысли о приобретении новых земель. Хотя бы сейчас, пока они вдвоем в темном спальном чулане и хотя бы до утра шумный

мир не будет их тревожить. И она, и Мистина имели все, чего может желать человек и что может потешить тщеславие, — высокий род, богатство, власть и почет. Но все это немногочего стоило без того, что лишь они двое могли дать друг другу.

Наконец Мистина с неохотой поднялся и стал на ощупь собирать с пола свою грязную дорожную одежду. Не мог же он появиться из княгининой избы утром — прямо с дороги, когда все уже знают, что приехал он еще вечером.

— Может, все же в баню? — По привычке он остановился у дверного косяка и обернулся.

— Иди уже.

Эльга нашарила на постели свой вязаный чулок и осторожно бросила в него.

Мистина ухмыльнулся и вышел. Свеча еще горела на столе, в полутьме посапывал на скамье пятилетний наследник, будущий князь плеснецкий...

* * *

Тем же вечером, лишь незадолго до того, как оружники Мистины Свенельдича постучали в ворота под башней на Олеговой горе, в земле Плеснецкой варяг по имени Думарь легонько стукнул в дверь Дубояровой избы в Гаврановой веси. Думарь был немолодой уже, молчаливый мужчина с рыжеватой бородой на впалых щеках, родом из волынских русов. С отроков он служил в дружине Етона и за верность и

надежность был возведен в число телохранителей. Серый пушистый пес заливался лаем на привязи, будто понимал, зачем явился гость. Унести то, что он когда-то принес.

Дверь открыл сам хозяин. Узнав гостя, впустил в избу.

Лесное дитя уже собрали в дорогу. Пожиток у него было – две застиранные сорочки и кое-как вырезанная деревянная лошадка, но ради долгого пути по зимней дороге хозяйка выделила ему вотолу и овчину. Завернутое во все это дитя Дубояр передал севшему на своего коня Думарю.

– Ну, благословите, деды... какие у него ни есть... – сказал хозяин на прощание.

В кулаке его была зажата сарацинская ногата – большая ценность, возместившая расходы на прокорм малого дитяти. Она же будто черту подвела: теперь они друг другу никто. Дубояр понимал: как начало дороги подверженца осталось ему неведомым, так и дальнейший путь уходит в туман. Что пожелать тому, кто был и остался здесь чужим и ненужным? Каких чуров к нему призывать? Пусть уж князь решает. Он клюками волховскими⁸, говорят, владеет, ему виднее...

Мальчик не плакал, расставаясь с домом. Молчаливый бородатый Думарь был ему лишь немного более чужой, чем хозяева, при которых он начал ходить и говорить, – добрых слов он от них слышал мало. Скорее его забавляло необычное приключение – выбраться наконец из опостылевшей избы, увидеть зиму... Это была первая зима и первый снег, на

---

⁸ Клюки волховские – хитрости, приемы колдовства.

который он смотрел хоть сколько-то осознанно.

И на коне он очутился уж точно впервые в жизни.

Держа закутанного мальчика перед собой, Думарь тронулся в путь. Ехали долго – уже совсем стемнело, вышла луна, залив серебром полотно реки и заснеженные откосы берега. Мальчик порой что-то лепетал, то засыпал, то просыпался, раз принялся плакать и вертеться – тогда Думарь негромко запел старую песню, невыразительно, будто самому себе.

Дремлет ворон на горах,
Дремлет черный на скалах.
Зимней ночью темной,
Зимней ночью темной...
Не сыскать ему поесть,
Чем питаться, не сыскать,
Зимней ночью темной...
Прежде жил он пожирней,
Прежде жил повеселей,
Зимней ночью темной...
Вот выглядывает он,
Клюв высовывает он
Зимней ночью темной...

Крумми сваф и клеттагья,
Кальдри ветрарнотту а...

Убаюканный непривычным звучанием незнакомых ва-
ряжских слов, мальчик затих, повозился и опять заснул.

Во сне не заметил, как они покинули наезженную тропу по руслу реки и вступили в лес. Здесь конь пошел шагом, угадывая под снегом знакомую тропу между деревьями. Конь и всадник были здесь всего два дня назад, засветло, и теперь двигались по собственным следам.

Наконец, уже глухой ночью, следы привели их на широкую поляну меж старых сосен. Летом здесь был пустырь, усеянный рыжей хвоей и кое-где поросший вереском, теперь же снеговое полотно пятнали заячьи и птичьи следы, упавшие тонкие ветки, шишки, чешуйки сосновой коры. На краю поляны, под протянутыми на волю ветвями сосны, стояла изба. Перед дверью снег был расчищен и утоптан, тропа оттуда вела к дровянику под навесом, другая – через чашу к реке. Возле избы высилась клеть поставная – избушка на бревенчатых подпорках выше человеческого роста, чтобы до припасов не добрался зверь.

Возле двери Думарь спешил и постучал.

– Кто там? – довольно быстро донеслось в ответ. – Дух нечистый, зверь лесной, человек живой?

– Виданка, это я, Думарь, – по-славянски, как и спросили, ответил варяг. – Привез, об чем уговорились.

Дверь открылась, изнутри повеяло печным теплом, запахом жилья и крепким духом сушеных трав.

– Заходи, – пригласили оттуда.

Наклонившись, Думарь вошел с закутанным дремлющим ребенком на руках. Глянул вверх и невольно вздрогнул: с по-

латей на него смотрели ярко горящие зеленые глаза. В избе жила лесная рысь – смиренная и ручная с хозяйкой, как собака; она сама промышляла себе добычу в лесу и порой, говорили, приносила часть домой. Среди множества веников сухой «огненной травы», «заячьей крови», полыни и прочих целебных и оберегающих зелий, коими были плотно увешаны все балки, она казалась как в лесу.

– Показывай, что за песьего сына приволок, – предложила хозяйка.

Думарь осторожно опустил дитя на скамью и неумелыми руками стал разворачивать овчину и вотолу. Всю жизнь он провел в дружине, семьи не завел и с чадами обращаться не умел.

Хозяйка поднесла поближе жировой глиняный светильник. Это была еще молодая, в начале третьего десятка лет женщина, худощавая, но жилистая и крепкая. Красотой она не отличалась, однако костистое лицо ее с острыми чертами хранило выражение независимости и лукавства, которое все же делало его привлекательным. Думарь помнил ее с юных лет и знал: именно эти качества и привели ее в лесную избу, где она жила на груди у земли-матери, под покровом леса-отца, не имея никакой другой родни. Рыжеватые волосы Виданка заплетала в две косы и свободно спускала на грудь, не обкручивая вокруг головы и не покрывая повоем, как делают замужние. Замужем она и не была, лишь два года прожила в тайном лесном обиталище «серых братьев», общей «сест-

рой» всех братьев-волков. Обычно такую девушку – умыкнутую с игрищ из селения – берет в жены кто-то из молодых «волков», когда сам возвращается назад к родным. Но здесь вышло иначе. Думарь слышал разговоры, что из-за нее двое не то трое повздорили и дошло до убийства. А уж если девка до такого довела, то удачливой ее не назовешь.

– Здоров больно малец для трех лет, – заметила хозяйка, осматривая спящее дитя.

– То-то, что здоров. Оно нам и нужно.

– Поди прокорми такого.

– То не твоя забота. Я ж третьего дня два мешка привез и всякий месяц буду привозить. В чем еще будет нужда – скажешь. Твоя забота – вырастить и выберечь, чтобы рос хорошо, здоров был, шею себе не свернул где...

– Ну уж за то не поручусь, – фыркнула хозяйка. – Отрокам только дай волю – непременно найдут, где шею свернуть.

– Вот ты и не давай ему воли. Чтобы жив был и разной мудрости научился.

– Чему ж я могу научить? – Хозяйка скрестила руки на груди.

– Чему сумеешь, тому научишь. А как будет ему двенадцать, «серые братья» его у тебя заберут. Через девять лет, стало быть, – подумав, уточнил Думарь.

Женщина помолчала, потом спросила:

– У него имя-то есть?

– Мужики звали Вештичем. Ты зови, как хочешь. А при-

дет срок – князь сам даст ему имя.

Хозяйка больше ничего не сказала. Думарь неловко потоптался, глядя то на дверь, то на ребенка. Что он мог сказать?

– Ну, будь жив, расти, уму-разуму учись, – произнес он наконец. – Князь тебя не забудет, и судьбу свою найдешь со временем.

Он пошел к двери, у порога обернулся.

– И ты, Виданка, главное помни: чтоб ни одна душа человечья про него не прознала. Придет к тебе кто – прячь. Чтобы был он у тебя как дух невидимый. И того... – он глянул на полати, откуда все так же наблюдали за ним круглые горящие глаза, – смотри, чтобы зверюга твоя его не заела.

– Поезжай, – хозяйка махнула рукой.

Думарь вышел. Она заперла за ним дверь на засов и подошла к скамье, где лежал ребенок.

– Был ты сын песий, теперь будешь рысий... – проговорила она в задумчивости.

Докуки этой – живя одной в лесу, ходить за невесть чьим дитем – она себе не пожелала бы и могла бы отказаться. Но подумала: если Етон обращается с просьбой, значит, ему очень нужно. К чему князю песий подверженец? Может, он и правда знает такие чары, чтобы чужой жизнью продлевать собственный век? Виданка не отказалась бы этими чарами овладеть. Если удастся, уже не князья ею, а она князьями станет повелевать...

...Утром подкидыш проснулся и не понял, где он. Было тепло, очень тепло и мягко, особенно с одного бока. Там ощущалось что-то очень большое – больше его – и приятно пушистое. Он пошевелился. Разлепил глаза.

На него вплотную смотрел кто-то, совершенно незнакомый. Широкое лицо было покрыто серовато-желтой шерстью, с черными полосками на щеках. Нос был как у пса Серого, его доброго знакомого, только не черный, а розовый. А глаза пронзительные и желтые. На концах острых ушей виднелись смешные кисточки.

И пока малец думал, заплакать на всякий случай или все же не шуметь, дабы не влетело, изо рта незнакомца высунулся длинный розовый язык и будто жесткой влажной щеткой прошелся по его щеке.

Тогда он и решил, что пора зареветь.

Часть вторая

Волынская земля, 8-е лето Святославо

Если бы в ту зиму, когда Етон плеснецкий заключил с киевскими князьями свой знаменитый ряд, младшему сыну Свенельда было хотя бы на год больше, Мистина мог бы взять его с собой. Но тогда Лют еще не получил оружия, и впервые он попался Етону на глаза только семь лет спустя, в зиму Деревской войны. В первый же раз его ждал удивительный прием. Лют заранее знал, что увидит на престоле немыслимо дряхлого, уродливого старика. Но оказалось, что его собственная внешность поразила Етона не меньше. И когда еще пару лет спустя Лют явился к нему уже один, без Мистины, Етон охнул и воскликнул, увидев его в своей гриднице:

– Троллева мать! Да ты никак помолодел!

– Кто? – Лют невольно вытаращил глаза.

Ему самому было тогда только двадцать – молодильных яблоч пока можно было не искать. Зато у Етона каждый проходящий год неумолимо скрадывал понемногу былую мощь: на восьмом десятке он съезжился, когда-то длинные руки и ноги скрючились, и теперь Етон был похож на огромного уродливого паука. Желтый кафтан в красновато-бурых греческих орлах, что топорщился на горбатой спине, только делал его вид еще более нелепым и отталкивающим.

– И в росте как-то умалился... – Етон тарашил на него

ослабевшие глаза. – Что за чудо! Тебя сглазил кто?

– Княже, это не он! – Семирад, воевода, с ласковой снисходительностью прикоснулся к плечу старика. – Это не Мистина Свенельдич. Это его брат меньшей, Лют. Помнишь, тогда еще драка была у них с древлянами, пятеро убитых за раз...

– Ты сам мне сказал – Свенельдич! – Етон в досаде обернулся к нему.

– Я сказал – Лют Свенельдич. Видно, тихо сказал, ты не слышал.

– А... Экий ты бестолковый...

– Прости...

Лют наблюдал за этим, не зная, обижаться ему или смеяться. Как Семирад кричал «Лют Свенельдич», он слышал сам, еще из сеней. Просто Старый Йотун – так его звали в Киеве – уже глух как пень. Помирать пора лет двадцать как, уши небось землей заросли. А все туда же – взмогнулся на престол да засел намертво, паучьими лапами своими вцепился. Как клещ – если отодрать, то только без головы.

Ошибка старика была не так уж удивительна: Лют очень походил на старшего брата. Ростом, правда, так и не дотянул: Мистина на голову возвышался над всеми в дружине, а Лют был, может, на два-три пальца выше среднего. У Мистины глаза были серые – как и у его матери, на носу горбинка от старого перелома; у Люта нос остался прямым, а глаза были ореховые, как у их отца. Разницу в очертаниях лиц – у стар-

шего оно было чуть круглее и шире, у младшего брата более вытянутое и худощавое, – Етон своими подслеповатыми глазами едва ли мог разглядеть.

С той их встречи с Етоном плеснецким миновало шесть зим. Лют успел побывать здесь еще четыре раза. И всякий раз, завидев его перед своим престолом, старик неизменно вспоминал тот случай и допытывался, хитро прищурясь:

– Ты кто? Который Свенельдич – старший или младший?

И все прикидывался, как дитя шаловливое, будто не понимал, кто из Свенельдичей перед ним.

– А я-то думал, только старики вниз растут, а тут и молодые тоже, – приговаривал он. – Ты с первого-то раза куда как усох! Может, поливать надо? А, Стеги? Поливать?

«Ох ты раздряба старая! – думал Лют. – Жумал он! – Шамкая беззубым ртом, Етон уже совсем плохо произносил многие слова. – Мозги куры склевали!» И с терпеливой улыбкой повторял: я младший сын воеводы Свенельда, Лют. Нет, не воевода киевский, не боярин Ингоря покойного. Брат его.

Был бы тут сам Мистина, он бы нашел достойный ответ на неуклюжие вышучивания старого пня! Младший Свенельдов сын был неглуп, но не так сообразителен и боек на язык, как старший. Для рожденного от простой челядинки он добился очень многого, но полностью сравняться с сыном ободритской княжны даже не мечтал. Само то, что он стоит здесь, гордый княжым доверием торговый гость, в хорошем

кафтани с серебряным тканцем и с рейнским мечом-корлягом у пояса – плод доброй воли старшего брата.

Мистина родился от единственной законной жены воеводы Свенельда – Витиславы, дочери ободритского князя Драговита. Его полное имя – Мстислав – было взято из материнского рода и напоминало об этом весьма почетном родстве. Витислава умерла вторыми родами, когда ее первенцу было шесть лет. Больше Свенельд не женился – говорил, лучше той жены не будет, а хуже ему не надобно. Уже в зрелые годы он обзавелся двумя детьми от челядинок своего двора: от Милянки родился Лют, а от Владивы, уличанки-пленницы, – дочь Валка. Мистина к тому времени был уже взрослым парнем, лет семнадцати, побратимом Ингвара и сотским его ближней дружины. Когда Люту исполнилось десять, Свенельд с младшими домочадцами перебрался жить в Деревскую землю: князь отдал ему право собирать дань в обмен на обязательство держать древлян в повиновении. Там Лют прожил несколько лет – до смерти отца. В то лето, когда погиб Свенельд, а древляне убили Ингвара, Лют был с товарами в Царьграде. И вернулся как раз в то время, когда его брат собирал войско для войны с древлянами.

По закону Лют после смерти отца получил свободу, но никакого наследства ему не полагалось. Сводный брат мог выставить сына челядинки на средокрестье дорог – как со многими и бывало. Однако Мистина взял его в дом, приблизил к себе и разделил все заботы и тревоги последующих лет –

но и плоды побед тоже. Казалось, ни разу он не вспомнил о том, что Лют ему не ровня.

Деревская земля вновь была покорена, но семья Свенельда на разоренные войной берега не вернулась. С тех пор Лют жил в Киеве, возле брата, и выполнял его поручения – по большей части они касались сбыта княжеской и воеводской доли дани. Приезжая зимой торговать с волынянами и мораванами в Плеснеск, каждый год он ждал, что уж в этот раз старик Етон окажется умершим. О проклятии Вещего и даре Одина знал весь белый свет. Но неужто Етон и вправду задумал жить сто лет?

Если бы Люту кто заранее рассказал, что на самом деле задумал старый паук, он бы ни за что не поверил. Ври, как говорится, да не завирайся...

Хмурое зимнее небо будто втягивало обратно скупой посланный свет, возчики погоняли утомленных лошадей. Более трех седмиц – с предзвездья, как встал санный путь, – обоз пробирался с востока на запад: через земли полян и древлян, через верховья Рупины, Тетерева, Случи и Горины, через русский Веленеж к волынскому Плеснеску. Веленеж был последним городцом, подчиненным киевским князьям – ныне Святославу и матери его Эльге. За ним начинались владения Етона, которого киевские русы называли Старый Йотун и говорили о нем как о выходе из преданий. Как о последнем йотуне, задержавшемся среди людей, когда все его племя ушло в свой ледяной мир.

Позади был долгий зимний путь по Моравской дороге. За последние пять-шесть лет по приказу княгини Эльги от Киева до Веленежа через каждый переход были выстроены погосты: в них ночевала дружина, ходящая по дань, и там же останавливались торговые гости, едущие на запад. После Веленежа погостов не было, дальше приходилось искать ночлега в тесноте гостиных дворов и придорожных весей. Дважды, из-за дурной погоды и разных затруднений не успев добраться до жилья, ночевали прямо в снегу у костров. Все, от именитых торговых гостей до последнего обозного холопа, жаждали наконец очутиться на месте и отдохнуть, расслабиться в тепле, отоспаться наконец.

«Неужели и теперь Етон все еще жив?» – недоверчиво думал Лют, глядя, как яснеют в хмуром зимнем небе очертания детинца на высокой плеснецкой горе. Когда он прошлой зимой дома сообщил брату, что Етон еще скрипит, тот хлопнул себя по коленям и рассмеялся.

Если бы Лют знал, что его ждет, это «еще жив» показалось бы пустяком...

– Опять будет допытываться, с чего это ты помолодел! – усмехнулся Вальга, двадцатилетний сын воеводы Асмунда, будто прочитав его мысли.

– Нынче не станет. – Лют скинул варежку и сосредоточенно подсчитал на пальцах. – Мистиша в первый раз к нему ездил в зиму перед походом на Дунай. А тому будет шестнадцать лет. Стало быть, в ту зиму ему было столько же, сколь-

ко мне сейчас.

– Не помолодеть тебе больше! – Вальга засмеялся. – Вот теперь старичок тебя признает наконец!

– Теперь, скажет, тот самый ко мне приехал, родной мой! – захохотал его младший брат, Торлейв. – Берегись, еще целоваться полезет!

– Тьфу на тебя! Я лучше с ежом поцелуюсь!

Киевский обоз уже втянулся в плеснецкое предградье. Зарытые до половины в землю, избы почти по соломенные кровли прятались в снегу, и дым из окошек тянулся будто из подземелья. Не верилось, что всего-то сотня шагов отделяет от знакомого крова мораванина Ржиги, державшего гостиный двор.

– Эй, глядите! – Ехавший во главе обоза Святята обернулся и взмахнул звенящей варяжской плетью, прерывая хохот боярских сыновей. – Свенельдич! Ты гляди, чего нагородили!

Лют, тоже верхом, пустился вдоль длинного ряда груженных саней и догнал его. Бросив взгляд вперед, на город, невольно придержал коня и концом плети сдвинул шапку на затылок.

Все эти шесть лет Лют наблюдал, как от зимы к зиме укрепляется город на высоком холме – как растут валы, обнимающие весьма обширное пространство, как поднимаются на них бревенчатые стены. Внимательно осматривал укрепления и старательно запоминал, чтобы потом, вернув-

шись домой, рассказать обо всем брату.

– У нас даже в Киеве таких стен нет! – горячился Лют. – Только что сами горы крутые, а валы чуть не от самого Кия остались, не подновлялись с тех самых пор. Етон-то не дурак, о себе заботится. Его теперь так просто не возьмешь. Ты бы поговорил с княгиней...

– Не нужны стены тому, у кого есть мечи верной дружины, – улыбался Мистина.

Он догадывался, что с годами Етон мог пожалеть о заключенном договоре. Но пути назад у старика не было – он целовал меч в плеснецком святилище, а потом подтвердил клятву перед всем княжеством и боярством Волынской земли. Ради чего ему покрывать себя позором в глазах людей и богов – ведь своих родных наследников у него на восьмом десятке лет не прибавилось. «Хоть сиди он на яйце утином, как в сказке, а сынка себе не высидит!» – говорила Эльга. Поэтому укрепление стен кияне относили на счет старческой подозрительности.

Но о строительстве в Плеснеске Мистина слушал охотно, и в серых глазах его отражалось непритворное внимание. Поэтому, увидев, что за минувшее лето валы покрылись каменными плитами, Лют тут же вспомнил о брате. И цепким взглядом охватил увиденное: высоту плит, протяженность одетых в каменный доспех валов. Будет время – посмотрим поближе...

Жители кланялись Люту по пути через обширное пред-

градье – многие его знали, а прочие так, на всякий случай. Плеснеск заметно больше Киева, здесь важно не уронить себя. На последнем ночлеге Лют вместо простого кожуха надел нарядный кафтан – крытый зеленой шерстью, отделанный коричневой коприной с серебряной тканой тесьмой, накинул красновато-коричневый плащ с узорной шелковой полосой по краю, с круглой серебряной застежкой на груди. На местных жителей он взирал с гордостью со своего посеребренного хазарского седла. Пусть волыняне видят – к ним едет богатый гость киевский! При внешней сдержанности, в глубине сердца Лют с удовольствием ловил на себе любопытные и тем более восхищенные взгляды. Сам он был равнодушен к цветному платью, но понимал, к чему обязывает род и положение. Это равнодушие передалось ему от отца – при своем огромном богатстве Свенельд лет тридцать носил старый кафтан, когда-то сшитый руками юной жены, и не желал менять на новые и богаче украшенные. В нем и похоронили... Он бы так хотел.

Когда первые сани обоза приблизились к гостиному двору, хозяин, Ржига, уже стоял перед воротами, окруженный всем семейством: женой, детьми и частью челяди. Это был зрелых лет крепкий мужчина, бывший гридь здешнего владыки. Десять лет назад, охромев, он ушел на покой и с тех пор немного располнел. Волосы уже отползли от лба до самой маковки, но борода и усы вокруг крупных губ оставались густыми; черты лица у него тоже были крупные, нос

широкий, а брови приподнимались с изломом. Высокий лоб посередине пересекала длинная продольная морщина, будто черта небокрая, а глубоко посаженные глаза, вечно прищуренные, смотрели из узких щелей пристально и немного с вызовом. Даже на повседневном платье он неизменно носил крупный серебряный крест моравской работы на серебряной же плетеной цепи.

– Будь здоров, Свенельдич! – припадая на перебитую ногу, Ржига сделал пару шагов навстречу важному гостю.

Лют сошел с коня и двинулся вперед, сияя улыбкой, широко раскинув руки для объятий. От природы он был человеком сдержанным в чувствах, но у брата научился обращаться с нужными людьми так, будто каждого из них любил всей душой. И у него выходило – улыбаясь, сверкая белыми зубами, он сиял, будто сам Ярила.

– Будь здоров, Ржига! Хозяйке поклон! – Лют поклонился госпоже Душане, Ржигиной жене, и бросил взгляд на девушку рядом с ней – ее он не знал. – Благополучия дому!

– Рад тебя видеть в обычное время! – Ржига положил руку на его плечо и гостеприимно указал на раскрытые ворота. – Ко мне просились саксы, но я их отослал к Радаю. У меня, я сказал, каждую зиму одни и те же желанные гости, и я им не изменю!

– Ты, Ржига, такой человек, что слово твое – кремень, а сердце – чистое золото! – отозвался Лют. – Я же знаю, на кого здесь могу всегда положиться!

– Хоть те саксы и сказали, что едва ли ты приедешь...

– Это еще почему? – Лют обернулся на ходу.

– Говорили, что в Киеве неладно – будто ваш князь погиб и уже сидит новый, его брат...

– Все это брехня собачья, можете так и передать тем саксам. – Лют беззаботно махнул рукой.

– Я так и подумал. Но такой слух не мог взяться не из чего...

– Я расскажу тебе, из чего он взялся, – душевно пообещал Лют. – Но только после бани.

До бани он добрался не так скоро: требовалось присмотреть, как распрягают лошадей, как разгружают сани и вносят в бревенчатые клетки привезенные товары – по большей части царьградские шелка, которые отсюда повезут на Дунай, а там – в Баварию, Саксонию и даже Страну франков. Стоимость десятой части товаров полагалась плеснецкому князю Етону как пошлина в обмен на разрешение сбывать привезенное моравским, угорским, баварским купцам, а взамен брать у них соль, коней, серебряное узорочье. Серьги, заушницы, подвески работы умелых моравских кузнецов очень ценились знатными женами на Руси: ими украшали свои уборы и сама княгиня, и жены воевод. А главное, Плеснек был важным перекрестком на «пути мечей» – через эти края от корлягов⁹ возили знаменитые рейнские мечи, без которых не обходится ближняя дружина ни одного порядочного во-

---

⁹ Корляги (др. – русск.) – жители Франции.

жды. С Волыни их везли на Русь, а оттуда и дальше – на восток и на север. Иные завозили в столь далекие края, где сарацины, различающие сорок – пятьдесят разновидностей мечей, платили за меч по тысяче золотых. Неслучайно же здесь, где сарацинское серебро встречалось с франкскими мечами и угорскими жеребцами, русь появилась данным-давно: говорили, что более ста лет назад, и нынешние плеснецкие русы насчитывали иной раз по четыре-пять поколений своих предков, живших в старинном волынском городе.

В гостевых избах топили печи, раскладывали пожитки, варили кашу. Купцы и бережатые¹⁰ предвкушали спокойный отдых на два-три дня – а потом можно и за дела приниматься.

Люта с двумя молодыми родичами и прочими купцами Ржига позвал ужинать к себе. Все это были влиятельные в Киеве люди, облеченные доверием самой княжеской семьи и ее приближенных – а порой и весьма родовитые. Вальга и Торлейв были одной крови с Эльгой и Святославом, поэтому им, несмотря на молодость, низко кланялись люди куда старше. Просторная Ржигина изба, тоже полуопущенная в землю, стояла близ гостиного двора за отдельной оградой, чтобы проезжающие не касались его собственных домочадцев и хозяйства. Но Лют бывал здесь уже не раз и, входя, привычно огляделся. Стены с ткаными коврами, маленькая доска с божьим ликом в дальнем углу, за шитой шелковой занавеской.

---

¹⁰ Бережатые – охранники.

В странствиях ему приходилось ночевать во всяком жилье – в бревенчатых избах, в ясских катах, в войлочных юртах, во внушительных каменных палатах царьградского предместья Святого Мамы – зимой там жили воины-наемники, тоже в основном русы, а летом – русские купцы. Он мог немного объясняться и по-гречески, и по-хазарски, и по-угорски, особенно по части лошадей, а на причудливость славянского выговора морован и волынян не обращал внимания.

Морован в Плеснеске было немало: с тех пор как на земли их хлынули угорские орды, тысячи их бежали на восток. Многие осели на Волыни, немало продвинулось дальше – на Киевщину и даже, как говорили, к кривичам и вятичам на Оку. За столом в избе Ржиги сидело еще двое: старый знакомец Радай и морованин Базил. Третий, протягивая руку, произнес на северном языке «Хейльду!», и Лют ответил тем же: это был кто-то из здешних русов. Звали его, как выяснилось, Торар. Волынские русы утверждали, что пришли сюда раньше, чем Олег явился в Киев, и что их торговым договорам с саксами и баварами уже лет по сто. Лют был склонен им верить: своеобразный их язык отличался от чистого северного языка приезжих из Свеаланда даже сильнее, чем язык русов, живущих на Днепре и Волхове третье-четвертое поколение.

В свои двадцать шесть Лют был за этим столом моложе всех, кроме двоих собственных спутников. Ржигины сыновья-отроки почтительно стояли у дверей, отец при гостях

их за стол не сажал. И тем не менее Люта первого попросили рассказать о новостях и слушали очень внимательно: о неудачном летнем походе Святослава в Корсуньскую страну, о волнениях в Киеве при вести, что князь может быть убит, о попытке Эльги сделать новым наследником стола Улеба, сводного Святославова брата, и о расстроенной свадьбе Улеба с Горяной, правнучкой Олега Вещего.

– Я даже не слышал ранее, что у Святослава есть такой брат! – воскликнул Базил. – Он давно взрослый муж, и Ингорь погиб лет десять назад, и всегда говорили, что Святослав – его единственный сын.

– Я слышал об Улебе и даже не раз видел его в Киеве, близ Святослава, – кивнул Радай, выразительно подняв брови, – но его называли сыном боярина Мистины... то есть твоим братаничем! Разве я не прав?

– Ты прав. – Лют опустил взор. Не в пример старшему брату, ему приходилось хоть миг помедлить, прежде чем солгать. Но когда он поднял глаза – при свечах они казались карими, – взгляд его был тверд и непроницаем. – Его называли сыном моего брата. Но на деле Ингвар лишь отдал другого своего сына на воспитание побратиму, чтобы никакой враг не смог погубить всех его наследников.

– Ингорь пытался обмануть злую судьбу, – хмыкнул Ржига. – А вышло, что сильнее всех обманулся его признанный сын Святослав.

– И ему, стало быть, досталась в жены дочь нашего преж-

него князя? – спросил Базил.

Он успел пожить на Мораве под властью Олега Предславича и имел в виду его.

– Теперь Горяна Олеговна – княгиня киевская, – подтвердил Лют. При разговоре о неприятных ему предметах вид у него невольно делался вызывающий, чего он сам не замечал. – Вы, мороване, можете считать ее своей, так что эта новость должна быть вам приятна.

– Если в Киеве княгиней стала христианка, это уж поистине порадует сердца всех верных Богу, – кивнул Базил.

Лют промолчал. В Киеве сейчас было даже две княгини-христианки: мать и жена Святослава. Но киянам это приносило пока больше смущения и тревоги, чем радости.

А еще ведь имелась первая Святославова княгиня – Прияна Свирьковна. Минувшей осенью, пока муж ее считался погибшим, она уехала в родную Смоленскую землю вместе с княжеским первенцем, Ярополком. Все надеялись, что из зимнего объезда своих земель Святослав привезет беглянку назад, однако знавшие ее в это слабо верили. Ведь Горяна Олеговна оставалась в Киеве, ждала дитя. У князя, разумеется, могут быть две жены сразу – но двух княгинь одновременно быть не может. А обе эти молодые женщины слишком знатного рода, чтобы хоть одна из них согласилась на положение хоти¹¹.

Не желая продолжать этот разговор, Лют прикинулся, буд-

---

¹¹ Хоть – любимая, наложница, младшая жена.

то отвлекся на девушку, подававшую на стол. В полутьме ясно видна была толстая, с ее руку, длинная черная коса, лежавшая на груди; судя по хорошему желтому платью и ожерелью из десятка зеленых и синих стеклянных бусин, девушка была не из челяди. Ученый вежеству, Лют ничего не спросил и отвел от нее глаза, но придал лицу такое выражение, будто мысли его ушли далеко от прежнего.

Ржига наблюдал за ним, прищурившись.

– Это моя свояченица, – пояснил он. – Младшая сестра жены. Ее мать умерла, а тесть женился снова и прислал ее сюда к нам. Мне бы такую прыть в его годы...

– Хорошая девушка, – с одной лишь почтительностью к дому отозвался Лют, хотя успел разглядеть только косу и черные брови. – Дай ей бог мужа доброго и богатого.

– А как твои домашние? – осведомился Ржига, будто не без некой тайной мысли.

– Все благополучно.

– Дети здоровы?

– Как будто так.

– Слышишь, Мирек? – усмехнулся Ржига, глянув в сторону своих сыновей. – Все идет хорошо. Я обещал своему меньшому, – он посмотрел на Люта, – что если он будет прилежно учиться грамоте и ремеслу, то лет через десять я посватаю ему твою дочь.

Лют усмехнулся: старшей из его дочерей было всего три года. Однако это полушутливое замечание ему польстило:

таких маленьких детей обручают в уважаемых семьях, где еще чтят старинный северный обычай почетных долгих помолвок.

Девять лет назад с Деревской войны привели в Киев великое множество полона. У старейшин, что принесли киевским князьям роту на покорность и верность, в заложники брали детей, и этой тали в Киеве оказалось несколько сотен. Люту достались две девушки из числа дочерей деревских старейшин: Перемила из Веленежа и Ветляна из окрестностей Малина. Но под свадебный рушник он не вставал ни с одной из них – Мистине не нужна была законная родня среди древлян, да и княгиня с негодованием запретила бы такое родство. Обе оставались на положении хотий, как когда-то Лютова мать, подчинялись Уте – главной хозяйке дома. Теперь у Люта потихоньку подрастали сын Переяслав и две дочери от Ветляны.

– Я бы лучше пожелал себе такой удали, как у князя, – усмехнулся Торар. – Даже твой тесть, Ржига, хоть и человек уважаемый, перед ним – дитя малое!

Все заговорили разом; в голосах слышалось насмешливое удивление. Лют, не понимая, о чем речь, переводил взгляд с одного на другого.

– Наш князь тоже не теряет время даром, – пояснил ему Ржига. – Осенью ему привезли еще одну жену.

– Что? – Лют неприятно вытаращил глаза и подался вперед. – Ты шутишь? Да ведь ему же восьмой десяток!

– Не стану сердиться, что ты мне не веришь! – сдержанно усмехнулся Ржига. – Мы сами долго не верили... кое-кто даже раз подрался на торгу, – он бросил беглый взгляд на Торара, – считая, что его держат за глупца... Но это правда. После жатвы князю привезли невесту из Луческа, и мы все пировали на свадьбе.

Все плеснецкие за столом закивали. Лют и его юные родители переводили изумленные взгляды с одного лица на другое: едва ли все эти почтенные люди сговорились их морочить, но услышанное не укладывалось в голове.

– Что же за невеста? – спросил Вальга. – Вдова какая?

– Отнюдь нет! – Ржига чуть ли не обиделся за своего князя. – Унемысла луческого единственная дочь. Юная дева, в самом расцвете, прекрасная, как сама Зареница.

Юная дева? Лют не мог согнать с лица недоуменной улыбки. Перед глазами его стоял Етон, виденный не далее чем год назад. Дряхлая, уродливая развалина. Выдать за него юную деву было все равно что просто зарыть ее в могилу, к истлевшим костям старого покойника. Вообразить только, как Етон сидит в чуровом углу, а в его честь запевала, сидя на печном приступке и колотя двумя пирогами один об другой, распевает «Сварожью песню» с мольбой «сковать свадебку крепко-накрепко»... От этого видения хотелось ржать от смеха, как жеребец угорский.

– Но зачем ему? – наконец выговорил Лют. – Что ему проку в жене? Не может же он до сих пор...

Плеснецкие за столом сделали многозначительные лица.

– Свадьба была справлена по всем обычаям дедовским, – весело ответил Ржига. – И когда пришли поутру люди будить молодых...

На этом месте Вальга и Торлейв чуть не подавились хохотом, зажав себе рты ладонями. Вот уж молодого нашли! Из одного Етона пятерых молодых можно сделать!

– Будить молодых и обряжать молодую, – повторил Ржига, со строгим достоинством взглянув на них, – то мужи и жены знатные плеснецкие все видами были: стала невеста женой, брак заключен по закону.

Братьям оставалось только переглянуться. Вопрос «как?» слишком ясно отражался на их юных лицах, но вслух произнесен не был. Оба они еще водимых жен не имели, но, разумеется, знали, какие следы оставляет на настилальниках превращение девы в жену.

– Уж не яблок ли молодильных она ему в приданое принесла? – заметил Чернега, доверенный человек княгини Эльги.

– То нам не ведомо, – сдержанно ответил Ржига, и в словах его слышалось «прочее – не наше дело».

– Ну, поглядим... – промолвил Лют, – скоро увидим, как там князь ваш с женой молодой поживает...

Прежде чем начинать торговые дела, надлежало показать свои товары Етоновым людям и уплатить мыто, поэтому каждую зиму Лют и другие купцы, явившись в Плеснеск, отправлялись на поклон к здешнему хозяину. Заключенный шестнадцать лет назад договор делал их не просто союзниками, а кем-то вроде родни, и киевских гостей Етон принимал с особым почетом: сам оплачивал их поstay у Ржиги и снабжал припасами на обратную дорогу. Но расходы эти ему с лихвой возмещались: плеснецкие гости ездили со своими товарами в Царьград и закупали там греческие товары, получая от царей пристанище в предместье Святого Мамы, корм и снаряжение на обратный путь – наряду с людьми самих киевских князей.

Княжий двор в Плеснеске стоял на вершине горы, на прозорном месте, и с хода крепостных стен открывался вид далеко-далеко на всю округу – на ближние села, поля, луга и рощи. Изнутри все заслоняли валы и многочисленные постройки – земляные избы, клетки. Город Плеснеск был весьма велик, больше, пожалуй, чем любая из населенных киевских гор. Поднимаясь по увозу к вершине, Лют внимательно осматривал полузасыпанные снегом каменные плиты на склонах вала между воротными башнями. Чудно было видеть эту рукотворную гору каменную. Но уж точно не для

удивления Етон все это устроил – вздумай кто захватить город, карабкаться вверх по гладко отесанным плитам, поставленным под углом на крутой склон, будет очень непросто. Зимой же довольно облить их водой, чтобы каменный щит сделался скользким, как лед.

И для кого все это затеяно? Ведь волынские князья несколько лет назад были покорены Святославом и Плеснеску больше не угрожают.

Однако чем не стеклянная гора из преданий, куда отважный молодец лезет, надев на ноги и на руки железные когти! Для Старого Йотуна обиталища лучше и не придумать.

А теперь еще и красную деву туда приволок – точно Кощей...

Внутри города княжий двор был обнесен отдельным тыном: понятная предосторожность в таком месте, где ходят сотни чужих людей, здешних и приезжих. Уже рассвело, и время шло к полудню, однако ворота оказались закрыты.

– Что у вас такое? – спросил Лют гридей у ворот. – Десятского позови мне.

Усатый гридь – по виду морованин – окинул киевского боярина взглядом скорее вызывающим, чем уважительным, и молча ушел. Лют невольно набычился, в душе готовясь к недоброму. Десятский пришел не так чтобы скоро – русы начали зябнуть, перетаптываясь на снегу. Не рассчитывая долго ходить, они оделись и обулись легче, чем в дорогу.

– Зря пришли, – десятский покачал головой. – Князь вас

сегодня не примет.

– Что так? Нездоров?

Ржига и его гости вчера ни слова не сказали о том, чтобы Етон был болен или в отъезде.

– Богу хвала, князь здрав. Но говорить с вами... – Десятский еще раз окинул Люта взглядом сверху донизу, словно исход беседы зависел от этого осмотра, – недосуг ему.

– Всегда был досуг, а теперь недосуг? – Лют положил руки на пояс и придвинулся к десятскому. – Он знает, что к нему из Киева Святославовы люди прибыли?

– О вас ему передано.

– И что?

– Он сказал: недосуг. Ты что, уши в дороге застудил?

– Кто из бояр на дворе есть? – Лют кивнул на строения за спиной десятского.

Все в нем уже кипело от возмущения, но вступать в пререкания с десятским ему было неуместно.

– Сотский, Беле.

– А ну, позови, – надменно велел Лют.

Варяга Беле, из волынских русов, Лют знал по прошлым годам. Однако тот смотрел на гостя так, будто видит в первый раз и будто они не пили за одним столом на зимних пирах этого самого двора уже не один год и не два.

– Князь сегодня делами не будет заниматься. Приходите в другой раз.

– В какой другой? Беле, ты что, памяти лишился?

– А что я? Князь так приказал. Никого сегодня из чужих не пускать.

– Может, он болен? Старый ведь человек...

– Наши старые получше ваших молодых будут! – усмехнулся Беле, и Лют сразу понял, к чему относится эта усмешка. – Идите, кияне, в другой раз приходите.

И знаком велел gridям закрыть ворота. Лют сперва хотел им помешать, но опомнился: хорош он будет, с десятком купцов и отроков осаждая княжий двор Плеснеска! За пьяного посчитают.

Пришлось со стыдом и досадой возвращаться назад на гостиный двор. На сердце у Люта все кипело: его, Святославова посланца, Свенельдова сына, старый йотун не пустил в дом! Из ума выжил на третий век! Будто Лют побираться пришел!

Ржига удивился быстрому возвращению киян, а еще сильнее – причине этой незадачи. Вернувшись назад на гостиный двор, они расселись по лавкам, распахнув кожихи, под которыми пестрели нарядные кафтаны с отделкой цветным шелком, а у самого Люта – и серебряным позументом на груди. Мрачность лиц не вязалась с праздничной яркостью платья.

– Недосуг ему! От жены, что ли, оторваться не может? – возмущался Лют, размахивая перед собой шапкой на меху выдры. – Не вчера же он женился! Мог бы уж натешиться и про ум вспомнить!

– Он сказал, что... из-за жены? – Явно удивленный Ржига

еще сильнее прищурил морщинистые веки.

– Я не знаю, что он сказал! Ко мне только Беле-сотский вышел, сделал милость!

– Постой, Свенельдич! – Его тронул за рукав один из спутников, Гридя Бык. – Ты, Ржига, вчера говорил, кто ваша княгиня родом-то?

– Унемысла луческого дочь.

– То-то же! – Гридя многозначительно поднял палец. – Унемысла луческого. Видать, не дружбу к нам она в приданое принесла.

– Придержи коней... – Лют бросил шапку на пустой стол.

Пять лет назад Святослав ходил войной на Волынь и добился права брать дань с лучан и бужан. До того все волынские, бывшие дулебские земли были под рукой у князей, сидевших в старом городе Волыни на Буге. Когда-то им подчинялся и Плеснеск, но этот край волынские князья потеряли еще лет сто назад. В сражении с русами Святослава был убит волынский князь Жировит, младший брат уже покойного Людомира, а его данники перешли под руку киевскому князю. В их числе и племя лучан во главе с Унемыслом из Луческа.

А ведь Гридя прав. Немногие эти слова вдруг осветили поздний брак старого йотуна совсем другим светом. Без малого двадцать лет, со смерти княгини-морованки, Етон обходился без жены, а теперь, на санях сидя, вдруг удали исполнился? Видно, дело здесь в другом...

– Смотри! – Вальга хлопнул себя по колену. – Етон с князьями нашими тот ряд заключил, потому что с Волынью воевать не хотел. А ныне Волынь ему не страшна – кто там был боевитый, тех мы со Святославом в Навь спровадили. Теперь Волынь у нашего стремени ходит, Етону не угрожает.

– Уж не надумал ли он теперь, бесеняка старая, ряд разорвать? – горячась, подхватил Торлейв. – Вот и соратников себе набирает, да среди данников наших! Уж понятно, в Луческе не друзья наши сидят!

Вальга и Торлейв между собой были единоутробными братьями, а с Лютом состояли в причудливой степени родства-свойства. Мистина, его старший брат, был женат на Уте, а Ута приходилась родной сестрой Асмунду – отцу Вальги, и двоюродной сестрой Хельги Красному – отцу Торлейва. Будучи внуками братьев Олега Вещего, эти двое выросли весьма бойки и горделивы и с детства привыкли говорить «мы», имея в виду ближний к киевским князьям дружинный круг. Они воплощали самый цвет киевской руси – потомки заморских выходцев и днепровских славян, что знали дела, менявшие судьбы держав, не по сказаниям гусяров, а по семейным преданиям, по воспоминаниям дедов и отцов. Торлейв родился в хазарском Корчеве, где тогда жила их с Вальгой общая мать, и вместе с ней приехал в Киев – малым ребенком, но уже сиротой. Отец его, знаменитый Хельги Красный, после второго похода Ингвара на греков ушел за Гурганское море и там сгинул, попытавшись, но не сумев основать соб-

ственную державу в сарацинском городе Бердаа. Получив на другой год весть о его гибели, Ингвар, Мистина, Свенельд и прочие старшие бояре с облегчением вздохнули, а жены их, не исключая и княгиню, ударились в горькие слезы. Сейчас, по прошествии пятнадцати лет, даже Мистина, в те годы не раз жаждавший удавить Хельги своими руками, вспоминал о нем с грустной улыбкой. Торлейв, сильно похожий на родителя лицом, был первым любимцем княгини и ее сестры среди всей младшей родни.

И сейчас сыновья Пестрянки, с детства привыкшие к разговорам о таких делах, быстро смекнули, чем этот нелепый брак грозит Киеву.

– А как же Унемысл ему дочь отдал – с нами не посоветовавшись? – сказал Чернега. Говоря «с нами», он имел в виду свою госпожу и ее сына Святослава с дружиной. – Какое было его право?

Лют тихо посвистел, переводя взгляд с одного товарища на другого. Как же он вчера сразу-то не смекнул? Унемысл луческий, данник киевского князя, вступил в родство с Етоном – союзником киевского князя, даже не уведомив Киев. Это само по себе дурно пахло. А нынешний отказ Етона допустить киян к себе уже так вонял, что Лют невольно дернул носом.

– Йотуна мать...

– Уж не наострился ли новобрачный ваш... – Гридя Бык оглянулся на Ржигу, – воевать с нами?

– Куда ему воевать? – презрительно отозвался Болва, человек самого Святослава. – Он на ногах-то стоит еще?

Лисма обозначил, что и как у Етона стоит, русы засмеялись. Лют тоже усмехнулся.

– Может, боится нам жену молодую показать? – сказал Чернега. – Он-то... юной деве не чета, а мы-то...

Он глянул на сыновей Пестрянки: эти двое, двадцати и семнадцати лет, рослые молодцы хорошего рода, куда лучшегодились в женихи любой княжне, чем старый Йотун. Потом, еще более выразительно – на Люта. Лют поморщился, потом постарался принять невозмутимый вид. Женщины в семье дразнили его красотой – все хвалили пригожее личико, чудные глаза, набивались расчесать светлые волосы, шили цветные кафтаны. Лют привык, что его считают красавцем, но в глубине души стыдился этой славы. Свенельд красотой не блистал, и уж он не был бы доволен, если б младший сын унаследовал миловидность матери, а не отвагу и твердость духа отца!

И красота сослужит Люту очень дурную службу, если из-за нее трухлявый пенъ Етон не пустит его к себе в дом! Будто ему есть дело до какой-то лучанки, об какую тот ночами греет свои старые кости! Тьфу!

Хотя... В задумчивости Лют сунул в рот серебряный топорик-оберег с шеи и прикусил ровными белыми зубами. Все же знали, почему Мистина Свенельдич остался ближайшим к власти человеком и после смерти Ингоря. В былые

годы он был лишь воеводой при Эльге, но в последние годы занял место и в ее постели. Так, может, Етон знает об этом и опасается допустить Свенельдича-младшего на глаза *своей* молодой княгине?

Мысль была нелепа, но от нее же Люту впервые стало и любопытно взглянуть на новую плеснецкую княгиню.

– Етон что – прячет жену? – Лют взглянул на Ржигу.

Тот покачал головой:

– Нет. На всех пирах она сидит. Я сам ее видел уж сколько раз... Хотя меня князю, видит Бог, бояться нечего. Я уже не так млад и красен собою, чтобы смутить чужую жену.

И снова его молодые гости переглянулись с одной мыслью: не надо блистать юной красотой, чтобы показаться княгине лучше, чем ее законный супруг... Торлейв заметно содрогнулся: представил, как ужасно молодой деве иметь дело со старым лешим.

– Ну, вы как знаете, а я спать, коли в гости не зовут! – Чернега хлопнул себя по коленям, поднялся и стал расстегивать нарядный кафтан. – С дороги не выпался еще.

* * *

Назавтра русы не пошли в Плеснеск все вместе, а послали Гридю Быка – узнать, есть ли у князя Етона для них досуг. Гридя вернулся без успеха – князю было не до них. То же повторилось и на следующий день. Киевские купцы отсыпа-

лись, бродили по лавкам и кузням, глядели товар у баварских, моравских, угорских и волынских гостей. Те уже всю вели дела между собой – никого из них Етон не томил по пять дней под воротами.

– Ничего, зима долгая, мы обождем, – с показным добродушием, подражая старшему брату, говорил им Лют. – Я молодой, мне спешить некуда. Сама княгиня наша матушка у греческого цесаря три месяца встречи дожидалась, двенадцать седмиц. Видать, хочет князь Етон, чтобы и мы ему честь оказали – за нами дело не станет! У нас чести много, на всех хватит!

На самом деле терпения Люту придавало не добродушие, а упрямство. Он бы ждал и три месяца, и пять, лишь бы не возвращаться к князьям и брату ни с чем. Но в то же время понимал: собирается гроза. Отказывая русам в доступе на торг, Етон нарушал dokonчание, заключенное еще при Ингоре и подтвержденное Святославом после гибели отца. И самого себя ставил под удар: поссорься он сейчас с Киевом – самому себе порушит торговлю с греками.

– Неужели Етон так здоровьем слаб, что гостей принять не в силах? – спрашивал Лют у моравских, угорских и баварских купцов. – Вы видели его – что скажете?

Никто из них не находил, чтобы Етон так уж ослаб с прошлой зимы. Наоборот: ухмылки, движения бровей, а иногда и более откровенные шутки давали понять – тому хватило здоровья жениться на юной девушке, а значит, снаряжать его

на тот свет еще рано.

– И что княгиня? – любопытствовал Лют. – Собою хороша?

– Супруга его хороша, как солнечный день весной! – улыбался сакс Хардвик. – Ей не более шестнадцати лет, и лицо ее будто роза, а глаза – как вода лесного озера.

На седьмой день Лют вновь сам явился к воротам во главе всех своих спутников и велел десятскому передать: гость киевский Лют Свенельдич кланяется и просит допустить с дарами и приветами от его господ, князя Святослава, и матери его, княгини Эльги, и жены его, княгини Горяны. Все кияне снова были одеты в лучшее платье. Стоя впереди своих людей, в распахнутом лисьем кожухе, чтобы виден был шелк кафтана и серебряный позумент на груди, Лют улыбался, но сердце его гулко стучало. Сейчас все решится. Не настолько же Етон выжил из ума, чтобы отказаться принять дары от киевского князя, его жены и матери! Это уже будет оскорбление, которое не сойдет ему с рук! Если их сейчас не примут, станет ясно: старый йотун хочет войны. Тогда им придется уехать и отвезти в Киев эту дурную весть.

– Пожалуйста! – Десятский, сегодня другой, отошел от ворот и знаком предложил войти.

Шагая по мосткам через двор, Лют волновался так, как не стал бы волноваться семь дней назад. Он был не столь умен, как его старший брат или отец, но унаследовал их волчье чутье и понимал: грядут перемены. И именно поэтому улыбался.

ся от души, бросая вызов будущему. Предчувствие схватки всегда веселило ему кровь, такова была его порода.

Старую гридницу Етона Лют видел много раз, и сейчас ему сразу попался на глаза обновок. Напротив входа в дальнем конце находилась женская скамья: в прежние годы там пряли Етоновы служанки. Теперь же одна длинная скамья уступила место двум коротким, а между ними был возведен престол на возвышении.

И не пустой. Сидевшая на нем сразу притянула взгляды гостей, будто блеск огня в темноте. Саксы не обманули – новой Етоновой княгине было лет шестнадцать. Среднего роста, обычного сложения, она и правда была хороша, как цветок. Белое лицо с мягкими чертами, розовые губы – такие пухлые и свежие, что с одного взгляда на них у Люта сама собой мелькнула мысль о поцелуе. Очень высокий и широкий лоб наводил на мысль об уме, который созреет с годами и войдет в цену, когда минует пора женского цветения, – а сейчас, глядя на нее, никто и не задумается, умна ли она. Волосы княгини прятались под белым шелковым убрусом, на золотом очелье висели моравской работы узорные кольца с подвесками. Одета в красную с золотом греческую далматику, госпожа Плеснеска сидела прямо и горделиво, сложив на коленях руки, и все это вместе – красота ее свежего лица, богатство блестящего наряда и убора, величавая неподвижность – придавало ей сходство с Зарей-Зареницей на небесном солнечном престоле.

Глядя на нее как зачарованный, Лют забыл, где находится. В Киеве он видел немало красивых и нарядных женщин, но в этой было нечто такое, что отличало ее от остальных.

– Погляди-ка лучше на меня, Свенельдич, – раздался сбόку скрипучий голос. – На мою жену все равно не насмотришься, даже если простоишь тут столбом до самой весны.

Вздвогнув, Лют обернулся. Рассердился на себя и устыдился. И правда – стоит столбом, на чужую жену загляделся, будто чашоба последняя.

Подойдя к хозяйскому престолу, Лют впился глазами в лицо Етона, стараясь найти чудесные перемены. Но нет, молодильных яблок ему лучанская Идунн¹² не принесла: перед Лютом сидел все тот же старый Етон, живущий третий срок. Морщинистое лицо, воспаленные глаза под тяжелыми веками, провалившийся беззубый рот. Топорщились косматые брови, седые, совсем уже белые волосы спускались на плечи, борода закрывала грудь. Казалось, длинным костям его тесно в усохшем теле, и сейчас новобрачный еще меньше, чем в прежние годы, напоминал собой человека. Развалина... Кожа так плотно обтягивала череп, что Лют беспокойно сглотнул: живой мертвец из старых преданий должен выглядеть как-то так.

Однако выцветшие глаза из-под косматых бровей смотрели разумно, и обычных шуток насчет умаления в росте и пу-

---

¹² Идунн – в древнескандинавской мифологии богиня весны и юности, владевшая яблоками, которые давали богам вечную молодость.

таницы братьев в этот раз Лют не услышал.

– Будь жив, княже! – Лют поклонился, и все кияне у него за спиной тоже склонились перед хозяином дома. – Я семь дней ждал под воротами... не смог удержаться и не поглядеть, ради какого дива ты отказывал мне в радости видеть тебя...

– В радости видеть ее! – поправил Етон, показав на супругу.

Рука его чуть дрожала. Невольно Лют снова взглянул на молодую женщину: она осталась невозмутима, лишь чуть дрогнули розовые губы. Представить этот цветок в хватке дрожащих костлявых рук было все равно что увидеть деву повешенной на дубу... Лютом все сильнее овладевало чувство жути, будто костлявая ведьма-мара тянула к нему свои ледяные руки. Казалось, в гриднице холодно, несмотря на огонь в двух очагах; Лют стиснул челюсти, чтобы не стучать зубами.

– Что тебе смотреть на меня! – продолжал Етон. – Мой вид едва ли веселил твое молодецкое сердце. А вот такой красоты, как моя княгиня, ты в своем Киеве небось не видал? А? – Он слегка наклонился с престола.

По привычке все свое считать самым лучшим Лют подумал: в Киеве и покраше найдутся, хотя ничье лицо при этом на память ему не пришло. Но и без того беседа их текла как-то неладно, надо было выбираться на правильный путь.

– Я привез тебе поклоны от моего князя, Святослава, его

жены, княгини Горяны, и его матери, княгини Эльги, – сказал он, уклоняясь от разговора о красавицах. – Желают они тебе здравствовать еще много лет и править твоими землями, имея мир со всеми соседями, добрые урожаи и милость богов.

Умножения потомства, укрепления рода на вечные времена Етону давным-давно уже не желали. С тех пор как выяснилось, что проклятье Олега Вещего было не пустыми словами, это звучало бы жестокой насмешкой. Но сейчас Лют на миг заколебался: может, обзаведясь такой красивой женой, Етон вновь обрел надежду и хочет услышать эти слова?

Однако подобная мысль показалась Люту дикой, и он опустил лицо, подавляя улыбку. Ему было скорее жутко, чем смешно, и эта нелепая, сама собой просящаяся улыбка раздражала его самого.

– Святослав с супругой и матерью его прислали тебе дары в знак нашей дружбы, – добавил он, подняв лицо и стараясь овладеть собой. – Здесь черные соболя из Биармии, бобры и куницы из северных владений Святослава, вино из Царьграда. А твоей княгине, если будет на то твоя воля, я поднесу греческие паволоки и коприны, достойные ее.

– А откуда твой князь знал, что нужны дары для княгини? – Етон снова наклонился вперед, будто пытался уличить гостя в мошенничестве. – В блюде золотом увидал?

– Княгиня Эльга хотела, чтобы я поднес их тебе. Если бы она знала, что у тебя вновь есть супруга, уж верно, она пове-

лела бы передать паволоки ей.

«Но она не знала», – хотел добавить Лют, но вовремя прикусил язык. Старому бесу полагалось заранее уведомить киевских князей о предстоящей свадьбе, чтобы они могли прислать бояр с дарами. И чтобы такие новости на них не сваливались как снег на голову. Но это позвучало бы как упрек, а попрекать князя Лют был не вправе.

– Ну, передай, коли уж у тебя хватает дерзости решать за княгиню, – ухмыльнулся Етон и пошевелился на своих куных подушках. – Подойди же к ней. Я позволяю. Тебе ж охота поглядеть на нее поближе, да? Я слыхал, у Святослава теперь две жены, но ни одна из них и вполовину не так хороша, как моя Величана, ведь правда?

Лют, уже сделавший было два шага к престолу княгини, замер и медленно обернулся. Он никак не мог сказать «правда», даже если бы ему угрожали оружием; не так он слабодушен, чтобы опозорить перед воляньями своего князя и его высокородных жен!

– Уж если бы я... – начал он, изо всех сил сдерживая возмущение и выговаривая слова по одному, чтобы дать себе время подумать и не брякнуть лишнего сгоряча, – вздумал сравнивать красоту высокородных жен и к тому же княгинь... это была бы такая дерзость... которая не сделала бы чести ни мне, ни женам, ни их мужьям.

«А ты, муховор¹³ старый, меня на это вызываешь! – со зло-

---

¹³ Муховор – паук.

стью добавил он про себя. – Не на того попал!»

«Держи себя в руках!» – еще в раннем отрочестве наставлял его отец, когда обучал владеть оружием. Он видел, что Лют уродился честолюбивым и горячим, и считал эти качества для сына рабыни совершенно лишними. Благодаря его воспитанию Лют вырос храбрым, но сдержанным, хотя эта сдержанность недешево ему обходилась.

– Да уж небось думаешь, что тебе такая красotka больше бы пригодилась, чем мне, да? – Етон прищурился, будто пытался сделать свой взгляд узким, как лезвие ножа, и проникнуть им в душу и тайные помыслы гостя.

– Я... – Лют глубоко вздохнул. Ему хотелось стиснуть зубы, чтобы удержать внутри негодование, но приходилось же что-то отвечать. – У меня есть жены... и чада... я своей судьбой доволен и на чужие не зарюсь.

Он был так возмущен, что его взгляд, казалось, мог бы пронзить старого негодяя, как острие копья; едва ли не из боязни это сделать он отвел глаза. Перед взором его вновь оказалась Величана, и он даже удивился: этот краткий разговор так его взбесил, что он почти забыл о его причине. В тот же миг – или даже чуть-чуть раньше – Величана отвернулась, будто желая ускользнуть из-под его взгляда. Но Лют успел заметить на ее лице недовольство, почти враждебность.

Уж не она ли настраивает своего престарелого мужа против киян? Етон как-никак союзник Святослава, а вот ее отец – данник. Еще год назад Етон тоже был не мед малино-

вый, но все же и не такая ехидна.

– Что же, твой брат...

Вспомнил-таки!

Лют резко обернулся и сделал шаг вперед. Мысль Етона уже была ему ясна, и намеков на связь его брата с Эльгой он не спустил бы никому. Даже сиди тут перед ним сам конунг ледяного Йотунхейма в окружении всех троллей и турсов, сколько их породили нижние миры.

И Етон запнулся на полуслове. В чертах лица, в глубоко посаженных глазах Люта он увидел такой непримиримый вызов оскорбленного родового достоинства, что понял: это он уже перегнул палку. И пусть этот, навещающий его в последние шесть лет, не столь умен и хитер, как тот, старший, по крепости сердца и бесстрашию он брату не уступит.

Мелькнуло искушение выложить все, что задумал, сейчас и разом покончить с этим. Но Етон сдержался. Это конец его длинной саги, и завершить ее надо спокойно, без спешки. У него позади слишком длинное жизненное полотно, чтобы комкать и портить его конец.

– Твой брат обучил тебя вежеству... – уже спокойно договорил он, медленно откидываясь на подушку сзади и невольно морщась от привычной боли в спине. – Сразу видно, что твой род уже второе поколение хранит престол киевских князей.

– В отваге моего брата и отца, в их опыте и верности Олегову роду не усомнится никто, у кого есть хоть немного

ума, – мысленно выдыхая, ответил Лют. В душе поднималась гордость: он поборол-таки старого йотуна, заставил вместо поношения произнести похвалу. – И я молю богов, чтобы мне не привелось отступить от обычаев нашего рода и опозорить родню. Где бы то ни было. И перед кем бы то ни было.

– Иди. – Етон кивком указал ему на княгиню. – Подноси твои дары.

Етон вдруг как-то весь потух, заморгал, показалось даже, что он сейчас заснет. Видно было, что ему не хочется продолжать беседу – ни эту, ни другую.

Почти успокоившись, Лют вновь двинулся к престолу княгини. И вновь был поражен тем, как не идут одно к другому свежая юность жены и бессильная дряхлость мужа. Брак был заключен по обычаям дедовским, сказал Ржига, и знатные мужи и жены были видоками... Да не может этого быть! Эта молодуха еще на свет не родилась, когда Етон в последний раз был с женщиной. Сейчас он способен на такие подвиги не более, чем стертый веник под лавкой.

Подойдя, Лют остановился, собираясь повторить уже сказанные князю приветственные речи. И вдруг осознал: за все это время Величана не произнесла ни слова и почти не шевельнулась. Может, она немая?! Конечно, он, Лют Свенельдич, не так высок родом и положением, чтобы сама княгиня вставала ему навстречу и подносила рог с медом. Вот был бы здесь Мистина, по матери потомок ободритских князей... Но все же хоть кивнуть, хоть улыбнуться, хоть спросить, хо-

рошо ли гости доехали и не нуждаются ли в чем, требовал ее долг хозяйки!

Вблизи еще лучше был заметен ее юный возраст. Княгиня сидела между двух окошек, и солнечные лучи проникали в гридницу, будто обнимали ее золотыми руками с двух сторон. Лют понял, почему саксы сравнивали ее глаза с лесным озером – при ярком свете они оказались светло-зелеными, как трава болотная.

– Будь жива, Величана Унемысловна, княгиня плеснецкая, – Лют почтительно поклонился. – Кланяюсь тебе от князя киевского Святослава, от матери его, княгини Эльги, и от жены его, княгини Горяны. От них и от всех бояр и мужей русских желаю тебе здоровья, богатства в доме, благополучия в земле твоей. Прими дары наши ради дружбы.

Двое отроков поднесли два цветных куска шелка – один гладкий, солнечно-желтый, а другой двухцветный, с зелеными птицами по розовато-коричневому полю. Развернули к свету, чтобы княгиня могла оценить красоту и стоимость подношения. Все в гриднице рассматривали блестящий шелк, лишь сама княгиня, бросив на них беглый взгляд, снова посмотрела на Люта.

Он ждал, не сводя с нее глаз. Неужели даже не кивнет в благодарность? Ледяная она совсем, что ли? Или так ненавидит киевских русов, что даже вежество ей нипочем?

И вздрогнул, когда ее взгляд вновь упал на его лицо. В ее глазах – лесных озерах – он видел смешанное чувство, очень

сильное, но противоречивое и неясное. Досада, подавленный гнев... и еще что-то, чему он не находил названия.

– Передай вашим князьям... – наконец заговорила она, и у Люта отлегло от сердца: она все-таки не немая! – Передай мою благодарность... за дары и привет!

Голос ее слегка дрожал, в нем слышалось напряжение и вызов: будто на самом деле киевские князья никак не могли желать ей добра и эти пожелания она считала за насмешку.

Случайно Лют взглянул на ее руки, с тремя витыми серебряными обручьями: они были сцеплены так сильно, что костяшки побелели. И все же он разглядел легкую дрожь.

Так вот откуда это напряжение! Княгиню трясло – от волнения, от гнева, от негодования? «Но почему? – чуть не спросил Лют прямо вслух. – Что мы тебе сделали? Не мы же выдали тебя за эту старую развалину!»

Ни он, ни его люди не сказали дурного слова о Величане и ее родне – хоть и провели из-за нее шесть дней в напрасном ожидании. Это им стоило бы ее ненавидеть...

Но вот ненависти или злости Лют к ней не ощущал. Для этого Величана была слишком юна и хороша собой. Он угадывал в ней скорее испуг, чем угрозу, и оттого хотелось успокоить ее, заверить, что он ей не враг... Весь этот странный прием вызывал в нем удивление и досаду, желание разобраться, оправдаться, если потребуется. Здесь ведь не о нем речь. Дружба с Етоном означала для Киева торговлю с морованами, уграми, саксами и баварами, доступ к самым даль-

ним западным краям. По Бугу и Висле можно было обратиться к Варяжскому морю, но намного западнее, чем через Днепр и Волхов. Даже подумать, что всему этому угрожает вчерашняя девчонка, пусть и княжеского рода, было смешно.

Лют смотрел на ее губы, ожидая услышать еще что-нибудь. Как ярко-розовые лепестки, нежные, свежие и мягкие... казалось, они должны пахнуть сладкими ягодами... Но было тихо, и он опомнился. Так же молча поклонившись, Лют отошел от престола княгини и вернулся к Етону. Все самообладание ему потребовалось собрать в кулак, чтобы сохранять на лице невозмутимость. Никогда еще ни одна женщина не приводила его в такое волнение – а Величана ведь сказала ему лишь пару незначущих слов.

– Привезли мы к вам товары княжеские: соболей болгарских, бобров, куниц и вевериц чудских, вино греческое, серебро хазарское, коприны царьградские. Прикажешь нам торг вести, как по вашему со Святославом уговору положено?

– Коли положено, так будем вести, – неприветливо буркнул Етон, словно хотел сказать: коли бы не уговор, нипочем бы вам позволения не дал. – А там поглядим...

Условившись, что к ним пришлют мытника для осмотра и изъятия князевой доли, Лют со товарищи направился назад на гостиный двор. По дороге молчали: ни обсуждения, ни шуток. Все понимали: тут есть о чем подумать, но не стоит

говорить об этом на улице, где всякий может услышать.

А Люта не оставляло ощущение, будто светло-зеленые глаза Етоновой княгини по-прежнему смотрят на него. Даже поневоле оглянулся раз-другой: не то хотел вновь встретить ее взгляд, не то убедиться, что между ними уже стены, тыны и улицы. Только выйдя из воротной башни и спускаясь по крутому увозу в предградьe, он немного опомнился. А вернее, осознал, что с ним творится нечто странное.

Уж не волхвितка ли она? Знатности рода ей хватит для того, чтобы владеть разными клюками. Иначе почему ее светло-зеленые глаза все смотрят и смотрят ему прямо в душу? Как въяве, в воспоминаниях он видел в этих глазах напряжение и гнев, но не чувствовал ответного гнева. И что-то еще было в них – нечто такое, чего он никак не мог уловить.

Может, причина в том, что княгиня плеснецкая еще так молода? Вчерашняя девка – небось сама не знает, чего хочет. Старый муж избаловал, вот и вообразила себя Зарей-Заряницей на солнечном престоле... Думать так было проще всего, но Лют сам не верил такому объяснению. И только ночью, устроившись на лежанке в гостевом доме и накрывшись широким плащом, на грани сна и яви Лют вдруг вздрогнул и очнулся. В мыслях прояснилось, и он понял наконец, что за чувство тревожило его, не давало забыть светло-зеленые глаза Величаны.

Это было подавленное торжество и надежда, что отчаянно боролась со страхом.

Унемыслова дочь Величана родилась на свет для того, чтобы умереть молодой. В первое полнолуние по ее рождении старуха-удельница пряла заговоренные нитки и бросала их в скворороду. Нитки утонули, обещая новорожденной раннюю смерть. Мать дрожала над ней, хотя на здоровье дочери жаловаться не приходилось: девочка росла крепкой и бойкой. О предсказании она знала: родители и няньки с младенчества учили ее беречься.

Ей шла двенадцатая зима, когда на Волыни разразилась война. Пришли киевские русы во главе с молодым Святославом, сыном покойного Ингоря. По воле Жировита, князя волынского, со всей земли луческой собирали ополчение. Величану с матерью и двумя младшими из братьев отправили из Луческа в святилище Бабина Гора, неподалеку от обширных болот, отдавая под покровительство богинь-матерей луческого рода. Долгие дни княгиня с детьми жили в беспрестанном страхе: ожидали, что придут враги и убьют их, или волки съедят их, или зимняя нежить утащит... Почти всю зиму волхвиты обучали Величану порядку служения богине – ведь став женой какого-то знатного человека, она чуть раньше или чуть позже делается старшей жрицей своей округи. Она должна знать все: как встречать новорожденного и провожать умершего, как проводить посевы и зажин-

ки, как оберегать поля, скотину и сам род людской. Отличать и применять целебные травы ее учила дома мать, но тут баба Невида показала ей волшебные зелья: разрыв-траву, одолень-траву, плакун-траву, Перуново цветье, Солнце-крест, волотову голову.

Учили ее и погребальному укладу. Рассказывали, что в былые времена всякая знатная жена за мужем на тот свет уходила, сама себя жизни лишая, потому у волынского рода особый обряд сложился: для мужа краду складывают, деревянной оградой обводят, потом сжигают и над кострищем высокую могилу возводят. А для жены отдельную малую могилу насыпают рядом, чтобы стояли они, большая и малая, одна подле другой, как при жизни муж и жена были рядом...

К удивлению Величаны, война окончилась не так уж худо: их не убили, не взяли в плен. Напротив, явились отроки от отца и повезли домой – дескать, князь примирился с киянами. По виду мало что изменилось: теперь отец был обязан не слать дары Жировиту волынскому, а выплачивать дань Святославу киевскому. Не своему старшему роду, а русам, чужакам. И это уже не подчинение младшего страшему, а почти рабство. Совсем иное дело, позор на весь луческий род.

С тех пор миновало несколько зим, но каждая зима наводила на Величану тоску: слишком живо вспоминалась тесная темная избушка, по крышу засыпанная снегом, вой метели за оконцем, дрожащий свет лучины и старая волхва Невида, что пряла и мерным голосом напевала сказание о молодой

жене, что пошла за мужем на тот свет...

В эту самую пору у Величаны впервые появились «краски на рубашке». Узнав об этом, мать так испугалась, что чуть было не отправила ее назад в Бабину Гору. Величана не поняла, чего такого: по годам самая пора. Но весной, когда созревшим девкам пришла пора надевать плахту, мать и вида не подала. На вопросы дочери отвечала «не время». Величана дулась и плакала, не понимая, отчего родная мать ее так принижает, но не поспоришь – еще год она проходила в сорочке, как девчонка. И только на новую весну, уже четырнадцатую свою, она наконец надела рубаху и плахту взрослой девушки-невесты.

– Боялся отец, что в Киев тебя потребуют, – только теперь пояснила ей мать. – Где дань, там невеста, так водится. Да наши купцы прознали, у Святослава и без тебя две невесты разом, и обе княжьего рода. Третью такую уж не возьмет. И времени нет – пока он проведает, мы уж...

– Что? – Величана задрожала, чувствуя вдруг накативший жар волнения.

– Может, уже и просватаем тебя... – шепотом закончила мать.

– За кого?

– Отец знает, – коротко ответила мать, отводя глаза, и Величана видела, что дальше спрашивать бесполезно.

Однако еще два года она оставалась в отцовском доме, тайком пытаясь угадать: кто же тот витязь удалой, которого

ей с детства сулили няньки? И только в начале осени, когда по всей земле луческой белели на золотых нивах нарядные рубахи и синие венки жниц, за ней приехали из самого Плеснеска. И вот тогда она узнала, каким образом придет к ней ее ранняя смерть.

* * *

Уяснив, что люди от Етона плеснецкого приехали за ней, Величана так и села. Голова закружилась, зазвенело в ушах, по коже побежали, обгоняя друг друга, жар и озноб. Это было все равно что дожидаться сватов от самого Кощея, повелителя Нави! Ведь даже в тот день, когда в луческой обчине поднимали чаши за здоровье новонареченной Унемысловой дочери, Етон был уже так стар, что его новая женитьба любому показалась бы нелепостью. А с тех пор миновало шестнадцать лет! Он и жив-то еще не иначе как ворожкой!

– Два года как сговорил тебя отец и с плеснецкими по рукам ударил! – едва не плача, рассказывала ей мать. – Не помнишь, тогда воевода их приезжал, Семирад, и боярин Стеги. Да в тайне держали, боялся отец, как бы киевские не проведали.

– Но он же такой старый! – сквозь рыдания едва могла выговорить Величана. – Куда ему жену? Что я бу... буду делать с ним? Ки... киселем кормить? Предрекали мне смерть безвременную – с таким мужем уже верно не жить мне дол-

го! Заест он молодость мою! Это ж все равно что в могилу живой меня, молодую...

– Отец сговорился с ним, – мать обнимала ее, с болью ощущая невозможность скрыть дочь в своих объятиях от горькой доли, – дескать, сказал Етон, поможет от Киева отбиться, чтобы Святославу дани не платить, ну а мы ему взамен... тебя... Два года тянули, мол, приданое не готово. Но дальше куда уж тянуть – перестарком тебя ославят, ягодку мою...

Величане было известно, как ненавидит ее отец киевских русов и как тяготится позорной необходимостью платить дань Святославу. Перед парнем вдвое себя моложе голову клонить! После гибели Жировита волынского лишь плеснецкий князь мог предложить ему поддержку, но и цену запросил немалую...

Покрытую тонкой льняной пеленой, ее привели в обчину на вершине Белой горы. Той самой, где отмечали ее имянаречение – при всем волынском княжье. Сказывали, и киевский посол приезжал. Самые лучшие подвески в материнской укладке с узорочьем были из его даров с того дня. Теперь здесь собрались только свои: по одну сторону за длинным столом сидели старейшины лучан, по другую – плеснецкие русы и бужане, посланцы Етона. Величану поставили к очагу; с одной стороны ее мать держала курицу, сестра матери с другой – каравай из новой муки. На ногах у княгини были новые черевьи – положенное обычаем подношение от

будущей родни, а на плечах медвежья шкура: знак близости с чурами, что отпускают деву из своего рода в чужой.

Унемысл поднял покрывало с лица дочери – по ряду гостей пробежал одобрительный ропот. И при неярком свете в общине княжеская дочь была хороша – миловидные черты, яркий румянец. Даже опухшие от слез покрасневшие веки подчеркивали свежесть ее лица. Глаз она не поднимала, едва сдерживала дрожь от волнения и стыда. В цвете лет стать женой дряхлого старика – эта несчастливая судьба казалось ей позором. Да чем же она его заслужила? Родителям она послушна, в рукоделье искусна – и прясть, и ткать, и уборы брать.

– Отдаю князю Етону дочь мою Величану в водимые жены, чтобы вошла она в дом его княгиней и полной хозяйкой! – сказал Унемысл.

Старейшины за столом внимательно вслушивались в речи, дабы не допустить, чтобы через этот сговор пришло на племя лучан какое бесчестье.

– От Етонова имени принимаю дочь твою Величану, чтобы была она князю нашему супругой в жизни и в смерти, и свете белом, и в Ирии светлом! – ответил ему старший сват и взял через покрывало переданную отцом безжизненную руку невесты.

Будто издалека до Величаны донеслись всхлипы матери и ее сестры. И тут она осознала судьбу свою всю целиком. Етон берет ее в водимые жены, она будет полной хозяйкой в

его доме и плеснецкой княгиней. Но она, а не какая-нибудь роба, станет его спутницей в смерти. А смерть древнего старика казалась так близка, что у Величаны подкосились ноги. Она упала бы, если бы отец не поддержал ее. Снова набросив покрывало на лицо невесты, он передал ее матери, чтобы усадила. Так под покрывалом она и просидела до конца пира – пока приносили жертвы чурову очагу и пили во славу богов, дедов и будущих супругов. Есть и пить Величане не полагалось, говорить тоже. Но какое там говорить – в своем белом слепом плену она не могла даже плакать, сидела как одеревенелая. Казалось, смерть ждет ее уже на пороге – будто не на брачный пир повезут ее отсюда, а прямо в черную тьму Нави. Хотелось поскорее проснуться от жуткого сна, но она знала: сон не осознаешь как сон, пока не проснешься. Значит, она уже не спит!

Но даже когда через несколько дней ее проводили из дому и посадили в лодью, Величана все не могла поверить в свое несчастье. Кое-кого из ее подруг уже проводили замуж, и женихи их были обычные отроки. Величана на девичнике еще тайком посмеивались над Негушей – жених больно молод, на год ее моложе, справится ли? Своего будущего мужа Величана тоже воображала отроком, себе под стать. В ту зиму, после войны, много болтали о молодом киевском князе Святославе: говорили, что он сам еще юн, что он занял стол на тринадцатой своей зиме и тут же отомстил древлянам за убийство отца. Родители боялись, что он потребует Велича-

ну в жены, – этим он укрепил бы зависимость и подчинение лучан. А Величана порой думала, что не так уж это было бы и худо. Такого мужа ей не пришлось бы стыдиться. Новость, что у него уже две невесты, ее и смутила, и насмешила. Видать, передерутся эти две невесты за него. И может, он еще передумает? Пусть при ее высоком роде идти в дом второй или третьей женой – бесчестье. Но лучше ли почетная смерть на краде дряхлого старика?

Но теперь всем мечтаньям конец. Доля ее – столетний старец, никуда не годный. С проклятьем бесчадия в крови.

– Если ты понесешь и дитя родишь, тогда смерть Етонова тебе не страшна, – шептала ей мать последней ночью перед расставанием. – С дитем ты сама править будешь и без мужа, как Ольга киевская без Ингоря правила и нынче еще правит. Ты там... гляди.

Величана в смятении и горе не понимала, куда и за чем ей надо глядеть, а мать мялась, хотела чего-то вымолвить, но не решалась.

Дитя! На это Величана и не надеялась. Больше пятидесяти лет живет Етон после того проклятья, переменял несколько жен, да так и не дождался ни сына, ни дочери. И уж не теперь ему взбодриться... Если правда то, что она слышала о нем, то на дровяной колоде посидеть – и то больше надежды забеременеть. Нет, уж коли суждена ей смерть безвременная, то от судьбы не уйти!

– И чего старик проклятый не подох в те два года, что ты

была ему обещана? – в досаде шептала ей Тишана, бывшая нянька, а теперь прислужница. – Князь, видать, на то и надеялся, да старый бес упрям – нипочем помирать не хочет!

Путь от Луческа вниз по Стыри до верховьев Серети и Плеснеска занял всего несколько дней и показался невесте уж очень коротким. Как бы ей хотелось, чтобы дороги тут было месяца два, как до Царьграда! Авось бы дряхлый жених не дожил до свадьбы! Как сладко она мечтала тайком, что вот они приедут, а их выйдут встречать одетые в белые печальные сряды плеснецкие мужи и сообщат: дескать, помер князь день назад, невесты не дождался... И тогда она спасена: пока она не села с ним на одну скамью и не легла в одну постель, она еще не жена ему. С ним в Навь пойдет рабыня, а она, Величана, вернется домой к родителям и вскоре дождетя другого жениха... молодого и красного собой... себе под стать... Может ведь такое быть?

Но на причале у реки их встречал Семирад и другие бояре, разодетые в лучшие греческие кафтаны. Князь ждал у себя в доме. Величана не видела его – перед прибытием в город ее вновь покрыли пеленой, – но слышала скрипучий старческий голос.

– Здорово, лебедь белая, будь жива! – сказал кто-то рядом с ней. – Рад, что скоро прибыла. Ступай отдыхать, завтра и свадьба.

Ее провели в избу, выстроенную когда-то перед первой женитьбой молодого еще Етона. В последние лет двадцать

здесь жили только челядинки, но теперь тут все вычистили, перестелили старые полы, покрыли все лавки новыми пушистыми овчинами, а на полках расставили цветную моравскую и греческую посуду – подарки жениха невесте. Лежанка осталась старая – широкая, с резными звериными головами на высоких столбах над изголовьем. Первая Етонова жена, как говорили, была варяжского рода, а отец ее в ту пору был у молодого Етона воеводой – вот и устроил для дочери все по своим привычкам. И вот она, уже четвертая супруга проклятого князя, стелит новые перины из своего приданого на старые дубовые доски.

Всю эту ночь в чужом незнакомом доме Величана едва сомкнула глаза, горячо моля судьбу и богов о счастливом случае. Разве не может такой дряхлый старец умереть во сне этой самой ночью? Почему не может, просто должен! Уже пора вмешаться богам! Зачем им губить ее молодую жизнь заодно с его непомерно затянувшимся, всем опостылевшим веком?

С нею вместе, по бокам, легли Тишана и молодая челядинка – Душарка. Так обычай велит – чтобы змей-летавец невесту не уволок. Ах, появись перед ней во тьме сыплющий искрами удалец с огнем на зубах и змеиным хвостом – и ему бы Величана обрадовалась как избавителю. Никто не мог быть ужаснее, чем тот старик, которому ее отдавали!

– Вот еще что, – шептала ей Тишана. – Я в палате старика-то нашего хорошо разглядела. Совсем дурной старик –

еле ноги таскает...

– Да не рви ты моего сердца, – шепотом стонала Величана. Как будто без того ей горя мало!

– Ты послушай меня! – Тишана придвинулась к самому ее уху. – Вот положат вас на перину пуховую... чтобы сотворили что надо, а старичок-то с делом не справится. А не было дела – и свадьбы, считай, не было! Куда ему на жену молодую!

– Да ведь тогда... – Величана задумалась, – дружку позовут. Будто мало мне позора...

– Какого тебе дружку? Дружку зовут, когда жених больно молод, вот и помогает отец его, или стрый, или вуй – кто-то из старших родичей. А у нашего-то молодца – кто старше? Перунов дуб на поляне разве что!

Как ни была Величана убита, а тут почти рассмеялась. Человека старше князя Етона нет на свете, а значит, и дружки для его свадьбы не сыскать. Бывает, что юные женихи, утомленный долгими свадебными обрядами, уже не в силах бьются исполнить свое дело с молодой женой и тем завершить свадебное действие. Но где же видано, чтобы в такой подмоге нуждался зрелый муж? Молодой оправится – а старому время доброй службы не сослужит.

– Ты только не бойся и не теряйся, – наставляла ее Тишана. – Как утром придут вас будить, ты и скажи: так, мол, и так, мужи и жены плеснецкие, нет в моем муже силы, девицей я осталась, и свадьбы признать нельзя.

– Отец меня не похвалит! – Величана испугалась. – Он же хочет... ради киевских...

– А жить ты хочешь или на краду жаркую пойти за стариком? Уж Сварожич-то обнимет жену молодую, так обнимет – ни одной косточки целой не оставит!

Унемыслова княгиня кормила свою дочь сама, и ей лишь выбрали из челяди толковую и честную девку в няньки. Тишане самой было в ту пору лет шестнадцать, а сейчас она едва вступила в четвертый десяток. Величана не расставалась с ней всю жизнь и взяла с собой в дом будущего мужа, чтобы иметь рядом родное лицо и надежную помощь. На четвертом десятке лет Тишанка сделалась худа и костлява; на костистом лице еще не было морщин, но уже казалось, будто кожи на нем слишком много и излишек бродит по нему, ищет место, где бы залечь в складки: то на щеке, то на скуле. Яркое, полное жизни, но опечаленное личико будущей княгини рядом с ней было как свежий цветок, прибитый дождем к земле.

А ведь речь идет об их общей судьбе, сообразила Величана. Знатный муж не идет на краду без жены, а знатная жена – без прислуги. Если Етон уведет за Сварожичем Величану, то и Тишане не миновать идти следом за госпожой. И если они вдвоем смогут спастись, пусть даже ценой срама и пересудов... Не она же окажется бессильной, а муж – трухлявый гриб! О чем думал, мухомор, когда девку сватал?

Эта надежда подбодрила Величану и позволила наконец заснуть хоть ненадолго.

Но того, что на самом деле произошло следующей ночью, ни служанка, ни госпожа предвидеть не могли.

* * *

Первую ночь после свадьбы молодые проводят не в своем жилье, а в овине, где воздвигают им ради будущей плодovitости и здоровья ложе на сорока ржаных снопах. Овина у Етона на дворе не было, и ради такого случая приготовили клеть – вынесли все, что в ней обычно хранилось, вымели, вычистили, на стенах развесили тканые ковры и медвежьи шкуры. Возле ложа поставили ларь, покрытый шитым рушником, а на него кринку стоялого меда и масляный светильник. Света он давал немного, но позволял супругу новобрачному не заблудиться во мраке.

Когда плеснецкие боярыни привели Величану и уложили, ненадолго она испытала прилив облегчения. Страшно устала за долгий день – с утра баня, неумолчное пение, обряды, где надо помнить каждый шаг, сидение на долгом пиру рядом с мужем. Она была голодна, весь день не евши, и от утомления не чувствовала собственного тела. А ведь впереди оставалось самое важное. Каждый миг покоя сейчас был драгоценностью. Всякая невеста волнуется перед тем, как стать женой; мало радости цветущей девушке принадлежать кряхтящему старику. Но Величана даже не знала, чего ей сейчас желать: чтобы все получилось или нет! На свадьбе, после то-

го как их обвели вокруг очага, она сидела уже с открытым лицом и видела, кого судички послали ей в мужья. Если бы сухой вяз вдруг вздумал протянуть к ней ветки, чтоб заключить в объятия, она и удивилась бы, и испугалась бы не меньше.

Если ее старый муж справится, она станет плеснецкой княгиней. Все пойдет, как задумал ее отец – и очень скоро приведет ее на краду. А если не справится...

Со скрипом открылась дверь, стали слышнее крики, смех и нестройные песни снаружи: гулянкой по случаю княжьей свадьбы был охвачен весь городец. Величану обдало дрожью – начинается! Но она не шевельнулась, а так и лежала на спине, в белой сорочке, и глядя в дощатую кровлю клетки. На миг закрыла глаза, потом вновь открыла – только пеленочные младенцы думают спрятаться под опущенными ресницами. Пришла ее судьба, нужно ее принять. Она ведь из рода древних князей дулебских, правнучка Дажьбога.

Долетали напутственные крики – на русском языке, непонятные Величане. К двери клетки Етона провожали любимые его соратники из дружины. Все моложе престарелого жениха... Может, он все же позовет на подмогу кого-то из тех, кто пьяными голосами хвалил красоту невесты? Величана содрогнулась. Нет, он не решится покрыть себя таким позором в их же глазах...

– О! – раздался чей-то вопль: похоже, кто-то из провожающих заглянул в дверь.

Потом донесся хлопок и легкий шум борьбы. Величана зажмурилась от стыда. Вот она и замужем – чужие мужчины теперь могут пялить на нее глаза в самый миг жизненного перелома, батюшка с матушкой больше ей не защита, и вся честь ее – в руках мужа.

Она ждала, что дверь закроется, но услышала звуки иного рода – шум шагов нескольких человек. Подняла голову и вздрогнула: в клеть входили мужчины, целой ватагой. Величана подтянула одеяло и прижала к груди, в изумлении взглянула на ковылявшего впереди Етона.

Он шел, опираясь на клюку и волоча ноги. Уж куда такому на брачное ложе! Мелькнула дикая мысль, что при таком-то бессилии ему требуется помощь не одного, а семерых более молодых мужчин, но Величана отогнала ее – так недолго совсем ума лишиться.

Но что это значит?

Князь сделал ей успокаивающий знак рукой. Теперь наконец закрылась дверь, шум со двора приутих. Величана мельком оглядела вошедших – это те же ближние бояре Етона, что занимали почтенные места на свадебном пиру. Вон тот рослый, кажется, Семирад, Етонов воевода и глава его отроков, за ним невысокий круглоголовый Стеги – этих двоих Величана помнила по прежним годам, когда они же приезжали в Луческ ее сватать.

Все вошедшие тоже имели изумленный вид и чувствовали себя немногим менее неловко в этой клетке, чем сама но-

вобрачная.

– Присядьте, – Етон показал им на пол, усыпанный свежей соломой. – Хоть речь моя недолга будет, а все же на ногах не всякий такие новости выдержит.

Он усмехнулся. Бояре переглянулись, и Семирад первым сел на пол – привычно, как сидел в походах на земле у костра. Остальные, по его примеру, расселись так, чтобы видеть и князя, и будущую княгиню на лежанке.

Величана смотрела то на них, то на супруга. Вот он стоит перед ней – ее доля, ее муж. Руки и ноги будто у рака, борода как у лешего... Искривленный давним переломом нос почти расплющен, волосы седые, брови косматые... но взгляд его показался Величане довольно приветливым.

– Будь жива, жена! – сказал он негромко. Потом сел на ларь, где стоял светильник – лезть на высокое ложе из снопов ему показалось неспродручно. – Что молчишь? Боишься меня?

Величана молчала, неподвижно сидя на перине. Боится ли она его? Нет. Изумление вытеснило страх, она будто вся одеревенела. Вся ее свадьба, странная с самого начала, делалась чем-то совсем уж несуразным.

Но даже сейчас, когда Етон назвал ее женой, она не могла увидеть в нем мужа. Уж слишком разными они были – как хмурый вечер заснеженного месяца стуженя и утро цветущего травеня в шелесте свежей листвы. Сухой пень и си-неокая пролеска... И от сознания острой несправедливости

судьбы на глазах у Величаны вновь выступили слезы. Чем она так провинилась?

Да и сам Етон смотрел на нее вовсе не тем взглядом, как жених смотрит на желанную невесту. В его тусклых глазах было легкое любопытство, он оценивал ее, но не придавал такой уж важности. Сколько цветущих дев и юных жен повидал он за свой нескончаемый век? Он не отрок, что в приведенной деве видит свою судьбу и долю на всю жизнь. Для старика она – последний шаг на долгом пути, оставшемся за спиной, одна из многих таких же. Зачем-то она ему понадобилась, и теперь он смотрит, прикидывая, пригодна ли она для того дела?

Какого? Украсить собой его пышное ложе на краде погребальной?

Етон взялся за кринку, заглянул в нее, понюхал и поставил назад – хмельного ему сегодня уже хватило.

– Нынче, други, свадьба моя... последняя на сем веку, видать, – Етон опять усмехнулся. – Ведаете вы все, какова судьба моя. Живу давно... Из вас половина, – он остановил взгляд на некоторых из сидевших перед ним мужчин, – сыновья сверстников моих, с кем вместе учились мечом владеть, а их самих ни одного уж в живых нет. Ни единого... Как помер дед твой, Гребина, – он взглянул на самого молодого, лет двадцати трех, из бояр, – последний из побратимом отрочества моего, так и понял я: видать, мой черед скоро. А коли скоро, то пора мне кой-какую тайну вам открыть.

Никто из бывших в клетки не смел, казалось, и вздохнуть поглубже. Когда старик замолчал, переводя дух, стал слышен мышинный шорох в дальнем углу и нестройное пение во дворе. По лицам мужчин Величана замечала, что они поражены всем этим не меньше, чем она, и тоже не возьмут в толк, зачем старый князь привел их сюда, к ложу молодой своей жены.

– Было у меня две тайны, два дара волшебных. Про первый дар – три века жить – все в Плеснеске знают, на Волыни знают, даже в Киеве – и то знают. Есть второй дар – теперь вы, други мои, и ты, подружие, будете знать. В слугах моих я как в себе уверен, а с тебя хочу клятву взять, что будешь молчать.

Он требовательно взглянул на Величану; она кивнула, от судороги в горле не в силах сказать ни слова. Какая еще тайна? Ей было отчасти и лестно, что этот старик, могучий плеснецкий князь, живое предание, хочет разделить свою тайну с ней, такой молодой и глупой, – но и жутковато. Какие же еще у него тайны – у того, кого проклял Олег Вещий, а наградил сам Один, варяжский бог?

– Поклянись, – приказал Етон; в дребезжащем голосе его прорезалась былая строгость, и Величана ощутила себя девочкой перед грозным повелителем.

Какая она ему жена? Жену слушают... совет держат, почитают...

– М-матерью сырой землей... клянусь... – выдавила она

среди напряженной тишины.

Кое-кто из мужчин переменялся в лице: они впервые услышали голос своей будущей княгини.

Етон кивнул и продолжал:

– В ту ночь, когда сам Один явился мне во сне, он преподнес мне два дара. – Он помолчал, ожидая, пока все усвоят это. – Первый дар: жизнь длиною в три века человеческих. А далее сказал он мне слова, и тех слов я за всю жизнь мою ни одной живой твари не передал...

Он взгляделся в лицо своей юной супруги: она ждала, не сводя с него напряженно-боязливого взгляда, лишь под взором его отвела глаза.

– Сказал мне Один: не властен я сохранить тебе молодость на все три века. Но вот как будет: даже состарившись, один раз в год, в полночь, ты станешь вновь молодым, как ныне. Как в эту самую ночь, когда я говорю с тобою...

Глаза Величаны раскрылись еще шире, и она прямо взглянула в лицо Етону, будто спрашивая: я не ослышалась?

– И эта ночь – сегодня, – закончил он. – Я потому и свадьбу на сей день назначил. Нынче ночью я вновь стану молодым, дабы... сотворить что надобно... – Он окинул взглядом ее тело под одеялом, и Величана содрогнулась. – Наш брак свершится по закону. И мы даже сможем проверить, – он усмехнулся, – что, если проклятье Олега наконец протухло? Все-таки ему уж лет пятьдесят!

«Как это будет? – хотела спросить Величана. – Как ты сно-

ва станешь молодым?»

От потрясения ее вновь пробрал озноб; казалось, не на перине она сидит, а на облаке небесном. Ее муж может помолодеть! Снова стать молодцом, пусть на одну ночь!

Но как? Говорят, в небесных садах растут молодильные яблоки. Или надо выпить живой воды... искупаться в вилинном источнике... Или Сварог может бросить старика в свой горн, раскалить и перековать на молодого... Что будет делать Етон?

Мужчины переглядывались. Похоже, прикидывали, не пошлет ли их сейчас князь за теми яблоками. На лицах отражалось то же, что у нее, изумление: сказку им, что ли, рассказывает старый их вождь?

– Видеть никому этого нельзя, и свершается превращение на могиле отца моего, Вальстена. Вы все тому видоками будете. Увидите меня вновь молодым, к ложу супруги проводите, а перед зарей уйду я и к свету стану вновь стариком.

Мужчины молчали. От Гребины до пятидесятилетнего Семирада, старшего из них, все были изумлены равным образом. Все они родились при Етоновой дружине, знали его всю жизнь, знали и окутавшие его предания. И все же не ждали, что увидят то, что случается только в «лживых сагах» о древних временах, когда сами боги участвовали в земных битвах.

– Полночь близка, – сказал Етон и поднялся. – Гребина, ступай, коней приведи...

Гребина, все с тем ж изумленным лицом, одним движением подскочил – будто солома на полу сама его подбросила, – и устремился к двери. Потрясение на его молодом лице сменилось нетерпением увидеть чудо.

– А ты жди, – обратился Етон к Величане. – Как полночь минует, вернусь к тебе парнем помоложе Гребины. На судьбу тебе пенять не придется... Свет не гаси.

Все вышли, дверь закрылась. Оставшись одна, Величана без сил откинулась на спину. Ну уж теперь-то она верно спит и чудной сон видит? Или ее старый супруг и правда ушел, обещая вернуться молодым? Да еще со свидетелями своего превращения?

Все, что она заранее воображала насчет своей брачной ночи с седым стариком, внезапно перевернулось кверху ногами и превратилось в нечто такое, чего ни она, ни мать ее, ни Тишана не могли ни вздумать, ни взгадать.

* * *

На широком княжьем дворе уже стояла тишина. Когда князь удалился в клеть, отроки выпроводили всех гостей, прося пожаловать обратно поутру, как придет пора будить молодых. А пока, дескать, нечего тут, князь приказал не тревожить... И даже самые пьяные гуляки понимающе кивали и удалялись чуть ли не на цыпочках.

Осенняя ночь покрыла плеснецкую гору черной тьмой, и

семеро всадников выехали со двора, никем не замеченные. Все были в темных плащах, а Етон набросил на плечи старую волчью шкуру. Когда-то еще в юности он провел несколько лет в лесу, среди «серых братьев», и всю жизнь надевал шкуру, творя священные обряды.

Путь предстоял не столь далекий: через городец, через новую сторожевую башню наружу, вниз по увозу – к жальнику. Воляняне хоронили здесь своих мертвых с незапамятных времен, за столетия до того, как здесь появилась первая русская дружина. Первоначально между обиталищами живых и мертвых оставалось расстояние, но все это время они ползли навстречу друг другу, и теперь невысокие насыпи – по пояс человеку – подступали уже довольно близко к первым дворам предградья. Под каждым из песчаных холмиков лежали остатки погребальной крады: воляняне сжигали мертвых не на особом месте, а возводили насыпь над остывшим кострищем. Старые насыпи давно поросли травой, иные сгладились от времени и были едва заметны. Здесь Думарь соскочил с седла, отдал повод Гребине, а сам повел княжеского коня – чтобы тот не споткнулся в темноте и не сбросил престарелого всадника. Думарь все так же был телохранителем Етона и за минувшие шестнадцать лет почти не изменился: только борода на впалых щеках из рыжеватой стала седой, а на шее сзади, рядом с шейными позвонками, выросла шишка величиной с перепелиное яйцо.

Куда идти, все знали. Могила Вальстена, второго здеш-

него князя русского рода, всем была хорошо известна. Сейчас она была высотой в два человеческих роста, но Етон рассказывал, что во времена его детства она была еще выше. Здесь, наряду с каменной вымосткой в святилище перед идолом Перуна, Етон приносил жертвы перед выступлением в поход и по возвращении. Весной и осенью, в дни встречи и проводов чуров, он пировал со своей живой дружиной, воздавая честь всем погибшим и умершим соратникам. На десятки шагов от могилы в траве попадались старые кости от угощения с тех пиров.

– Стойте! – окликнул Етон, когда оставалось шагов тридцать. – Здесь станем. Дальше вам нельзя.

Всадники остановились, спешили. Думарь и Гребина помогли князю сойти наземь.

– За мной никто не ходите, – предостерег он. – Я на землю-матушку лягу, шкурой накроюсь, земля в меня силу свою вдохнет – скину шкуру да встану удалым молодцем. Ждать недолго.

– Мы обождем, как прикажешь, – подал голос Храрь.

Говорить это было не обязательно, но он был из тех, кто долго молчать не умеет.

Холодной осенней ночью среди могил, в ожидании невиданного дива, бывалых мужчин пробирала дрожь. Шуршали на ветру высокие стебли высохшей травы, и в темноте казалось, будто кто-то ползет по земле... или выползает из-под земли... Каждый держался за свое оружие и жалел, что не

привезли с собой огня. Хотя, наверное, не зря князь не приказал брать огня...

– Ну, ждите, – повторил Етон и ушел в темноту, в сторону Вальстеновой могилы.

Поначалу было слышно, как шуршит трава под старческими шагами – Етон подволакивал ноги. Потом шарканье стихло. Все прислушивались в напряженном молчании, вглядывались во тьму, ожидая... сами не зная чего. Удара грома? Вспышки молнии? Никто не представлял, каким образом должно свершиться чудо омоложения.

– Смотрите! – вдруг вскрикнул Храрь.

Над вершиной могилы вдруг вспыхнул сноп искр – разлетелся по ветру и сразу погас. «Вот оно!» – подумали разом все.

– Оборотился! – шепнул Храрь, но Рудовит шикнул на него.

Казалось, сейчас, когда сама земля-мать творила волшебство, любое неосторожное слово могло принести беду.

У многих теснило в груди. Едва дыша, бояре ждали, пялили глаза во тьму.

На вершине могилы засветился огонь. Сначала слабый, даже казалось – мерещится. Но вот он разгорелся и... двинулся к ним.

Ближники Етона были людьми храбрыми – иначе не заняли бы столь высокого положения в дружине. Но многим из них сейчас захотелось попятиться... даже пуститься прочь

отсюда, подальше от этого огня из могилы... Казалось, ее давно покойный житель приближается к ним из мрака осенней ночи...

Огонь все рос. Уже стало видно факел в руке человека – рослый, с длинными руками, во тьме он показался великаном. Отблески пламени падали на руку, плечо, иногда на голову, но разглядеть еще ничего было нельзя.

Нет, это не видение. В шорохе травы под ветром что-то изменилось... В нем появилась живая упорядоченность звука шагов. К ним шло существо из живой плоти – как и то, что недавно их покинуло. И в то же время совсем другое...

И когда гость из мрака приблизился на расстояние в три-четыре шага, даже Семирад невольно подался назад. Пришедший был высок – выше ростом, чем они все. Именно таким они, родившиеся и выросшие в Плеснеске, с детских лет запомнили своего князя – огромным, как великан.

Но теперь он не горбился и не волочил ноги. Стан его был прям, плечи широки, походка легка. Остановившись, он осмотрел потрясенные лица перед собой. Факел он держал так, чтобы свет не слепил ему глаза, и все же бояре неплохо его рассмотрели.

Молодое безбородое лицо сразу напомнило им о Етоне – крупные, не слишком красивые черты, густые темные брови, широкий нос. На памяти ближних у Етона нос был уже сломан и расплюсчен. У стоявшего перед ними этого перелома не было, и это доказывало, что они и впрямь видят своего

господина таким молодым, каким никто его не помнил! Таким он был пятьдесят с лишним лет назад, а в ту пору даже Семирад, старший из них, еще кувыркался в чреве своей матери!

На нем была та же одежда – тот же роскошный греческий кафтан, где нитями пяти или шести разных цветов был искусно выткан всадник с луком в руке, зеленое дерево, белая лань... Поверх него тот же бурый плащ, который Етон накинул, чтобы не выделяться в темноте. Только руки с широкими юношескими костями запястья выдавались из слишком коротких ныне рукавов. Блеснула серебром подвеска с вязаными рунами – заклинанием старого мудреца Хавтора...

Никто не произнес ни слова. Взгляд нового Етона остановился на лице Думаря – тот держал его коня. И телохранитель единственный выдержал взгляд своего помолодевшего господина без дрожи и сомнений.

– Поехали, – сказал Етон, и от звука его голоса – молодого и глубокого – все вздрогнули. – Жена молодая заждалась, а мне до свету сюда вернуться надобно.

Он подошел к Думарю и взял у него повод своего коня. Легко вскочил в седло, подобрал поводья и первым тронулся через жальник назад. Думарь загасил принятый у него факел, сам сел на своего коня и поехал впереди господина, как обычно. Прочим оставалось лишь последовать за ними. Умом все знали, что произошло, глаза их видели итог превращения старого князя, но оторопь не позволяла здраво

рассуждать.

* * *

Когда вновь отворилась дверь клетки, Величана села. Она уже не пыталась угадать, что увидит, а просто ждала. За время ожидания у нее наступило какое-то онемение в мыслях: прошла шумная свадьба, и вот она, княгиня новобрачная, половину ночи лежит одна и ждет, когда дряхлый супруг вернется к ней омоложенным... Она спит. Или бредит. Ничего не пытаясь понять, не пыталась заглянуть и в будущее, она просто доверилась времени. Порой едва ли не забывала, где она и почему.

Вот они вошли. Етона с боярами не было – это Величана сразу отметила. Зато был человек, которого она никогда прежде не видела. Очень рослый парень, с широким носом, крупными чертами лица, довольно длинными темно-русыми волосами... Всего на три-четыре года старше ее, может, на пять, но одетый богаче всех, он удивительно выделялся среди бояр. На кафтане выткан всадник – эту чудесную одежду она уже видела... И тут Величана сообразила. Это свадебный кафтан Етона. А значит...

– Признаешь ли меня, супруга моя любезная? – Парень в Етоновом кафтане остановился перед ложем и положил руки на пояс.

Величана молчала. Узнает ли она его? Как она может его

узнать, если видит впервые?

Она взглянула на Семирада.

– Это князь наш, – хрипло подтвердил тот. – Взошел на могилу Вальстенову, на землю-матушку лег, шкурой укрылся – а как сбросил шкуру и встал, так вот... – он показал на парня, – стал молодец... молодцом.

Величана всмотрелась в лицо парня. Она не узнавала Етона. Уж слишком сильно он изменился! Как она может узнать его таким, каким он был пятьдесят с лишним лет назад, ведь тогда и матери ее не было на свете! Много было сходства, но глаза... Прежний Етон смотрел на нее усталым взглядом человека, который многое повидал и ничему уже не придаст особой важности. А у этого... При свете огонька на ларе она не могла разобрать, такие ли у него глаза, как были прежде, но взгляд его сделался пристальным и хищным. Это был взгляд лесного зверя, и на нее он смотрел, как на добычу. Изучал... будто видел впервые и не понимал, кто перед ним... Он сам не узнавал своей супруги! Хотелось попятиться... уйти с его дороги... спрятаться...

– Мужа плеснецкие видоки – я и есть твой муж, князь Етон, – сказал парень.

Свежий юношеский голос звучал довольно низко, и от этого звука Величану вновь пробрала дрожь. И уже не отпустила.

– Хватит время терять. Мне до зари назад обернуться надо. Думарь и Гребина, ждите с конями во дворе, – не обра-

чиваясь и не отрывая глаз от Величаны, распорядился он. – Прочие ступайте восвояси. На заре возвращайтесь.

Бояре шевельнулись. Величана едва не крикнула: нет, не уходите! Так не хотелось ей оставаться наедине с этим новым Етоном. Ждала она в мужья не старика, а отрока – вот он, перед ней. Молодой, статный, сильный, пусть не красавец, но по-своему весьма привлекательный, он был бы женихом не хуже других. Да и получше многих. Но этот взгляд лесного зверя на человеческом лице... Такими должны быть оборотни, те, что умеют надевать волчьи шкуры... Етон pokrылся волчьей шкурой на могиле... а встал вот таким... Он оборотень! Оборачивается самим собой, но из бывшего своего века... И теряет в этом превращении человеческую душу... Уж лучше бы стариком оставался!

Мужи плеснецкие вышли, затворили дверь клетки. Етон тем временем сбросил плащ прямо на пол и стал расстегивать кафтан. Величане бросилось в глаза, что застегнут он был кое-как – мелкие золоченые пуговицы частью всунуты не в те петли, иные не застегнуты вовсе... будто он очень торопился, когда одевался... Цепь с серебряной подвеской зацепилась за пуговку, и он дернул с досадой, едва не оторвал.

Величану трясло. Она ощущала себя на грани гибели, будто дева из сказаний, которую унес Змей Горыныч. Нави со всей их страшной ворожкой смотрели ей в глаза. За что? Почему именно с ней все это должно было случиться? Со свадьбы – события важного, но все же вполне обыденного – она

вдруг перенеслась в страшную байку, что рассказывают зимой на павечерницах. Почти как про мертвые кости, которые озорные девки приглашали зайти в шутку, а они возьми да и приди... Почему именно ее занесло в это сказание, почему ей выпало стать женой невиданного оборотня – старика и молодого разом?

Етон небрежно бросил дорогуший кафтан на ларь и присел на край ложа, чтобы снять черевьи. Величана отодвинулась, насколько позволяла ширина лежанки. И закрыла глаза, решив не открывать их, пока все не завершится. Не ведали батюшка с матушкой, за кого отдают свою дочь единственную, но теперь кончено – нет ей дороги назад.

* * *

В Плеснеске уже три дня гуляли на княжьей свадьбе, но в глубину леса шум этой гульбы не доносился. Здесь осень неспешно делала свои дела: хоронила золото, прибиралась к приходу зимней княгини – Марены. Порывы ветра срывали с ветвей целые тучи желтых листьев, бросали их горстями на стены уединенной избушки – на краю широкой поляны, под вытянутыми на простор ветвями сосны. Но сосна и прежде была так стара, что за минувшие шестнадцать лет не изменилась. Возле стены, на колоде для колки дров, сидел человек – молодой мужчина, скорее даже юноша, но высокий рост, длинные конечности, мрачноватое и замкнутое

выражение лица с крупными чертами делали его старше на вид. Сидел совершенно неподвижно, не сводя глаз с поляны и начала тропы к речке, но не столько смотрел на лес, сколько слушал. Шестнадцать прожитых в лесу лет развили в нем чутье на присутствие кого бы то ни было – человека ли, зверя ли, – которое было сильнее зрения и слуха.

Ее приближение он почуял раньше, чем она показалась в конце тропы, но не шелохнулся. Зато женщина остановилась, заметив гостя перед своим жильем. Волчья шкура на его плечах всякого заставила бы вздрогнуть. С «серыми братьями» никто из людей не встречался по доброй воле – они пугали, как пугает всякое, находящееся на грани своего и чужого, человеческого и звериного, домашнего и лесного. Потом она все же двинулась вперед – здесь был ее дом, ее земля.

Подойдя, Виданка сбросила с плеч большую вязанку хвороста. Пришелец медленно встал. Женщина сильно изменилась за шестнадцать лет – хотя и меньше, чем он, когда-то привезенный сюда трехлетним мальцом, а теперь переросший ее больше чем на голову. Она еще сильнее исхудала, черты лица ее заострились, волосы почти поседели, лицо покрылось тонкими частыми морщинами.

– Рысенок? – хриплым голосом сказала она, не выказывая ни радости, ни неудовольствия. – Каким ветром занесло? Случилось что?

– Как ты? – помолчав, спросил он в ответ – без особого участия, словно бы через силу. – Здорова?

– Хожу пока. – Виданка кашлянула. – Войдешь? – она кивнула на дверь.

Та была заложена засовом снаружи – чтобы без хозяйки не забрался какой зверь. Рыси, прежней хранительницы дома, уже давно там не было.

Парень покачал головой. Виданка не удивилась: за семь лет, что Рысь не жил у нее, он, кажется, и трех раз не переступал ее порога.

– Я третьего дня в городе был, – сказал он наконец, видя, что она ждет.

– В городе! – охнула Виданка.

Если бы он сказал, что побывал на небе, она удивилась бы меньше.

– Как же ты...

«Как же ты решился?» – хотела она спросить, поскольку знала, что город для Рыся – что суша для рыбы. Торжество стихии домашнего очага, которой он не знал и не понимал. «Серые братья» бывали в Плеснеске один раз за год – в темную ночь солоновороты, когда им, обитателям Нави, полагалась дань с живых. И то не в самом Плеснеске, а на Божьей горе.

– Он сам мне при... – Рысь запнулся, не желая выговорить слово «приказал».

Виданка молча ждала. Она знала, что шесть дней назад Рысь виделся с Етоном – встреча их происходила здесь, возле ее избушки. Так повелось с той зимы, когда Думарь при-

вез ей спящего мальчика, закутанного в овчину. Раз в один-два месяца князь являлся к ней в сопровождении одного только Думаря. Людям рассказывали, будто Виданка лечит его старческие хвори – это ей и правда приходилось делать. Но полечить его могла бы и баба Бегляна, его троюродная сестра, а сюда он ездил повидать ребенка. Когда тот подросток настолько, что с ним стало можно разговаривать, Етон стал вести с песьим подкидышем долгие беседы – но о чем, Виданка не знала, для этих разговоров Етон уводил Рысенка гулять по окрестностям. Иной раз она спрашивала, о чем они беседуют. Рысь, тогда еще бойкий общительный ребенок, охотно пересказывал ей «сказки». Правда, с первого раза он мало что в них понял.

– Этот Ригур был в неволе, а потом выбрался на свободу. Он без войны не мог жить и везде видел вражду. Это потому что он был зверь из леса, у него не было ни отца, ни матери. Один раз он узнал, что есть огромный Змей Горыныч, а у него много-много золота в норе. И вот он вырыл яму, где тот змей ходил, и сел в нее, а когда змей пополз, он снизу как всадит ему меч в брюхо! – Рысенок прыгал от восторга, пересказывая этот хитрый замысел. Взмахами деревянного меча – Думарь вырезал ему точно такой же, какой был у Етона, – он показывал, как именно витязь всадил меч в брюхо змея. – И тогда Ригур вылез, а змей ему говорит: как же ты такой храбрый вырос? А тот ему: если человек с детства не был храбрым, то он и в старости будет трусом! Но нельзя

быть сильнее всех!

Однако потом он не раз еще просил Етона повторить рассказ о Сигурде, Убийце Змея, и запомнил его имя как следует. Пересказ этой саги Виданке пришлось выслушать много-много раз. Рысенок бредил золотом змея, шлемом, внушающим ужас всем врагам, и девами, которым суждено полюбить Сигурда. В его изложении получалось, что предостережения и обещания Сигурд услышал от самого Змея Горыныча, но Рысь крепко запомнил главное: что бы ни было, храбрец лучше труса.

В речи его славянские слова порой мешались с русскими – Етон постепенно обучал его своему родному языку. Приезжая с припасами, Думарь подолгу толковал ему разные русские слова. И порой, когда Виданка усаживала мальчика за жернов, или щипать лестную птицу, или ягоду перебирать, Рысь напевал себе под нос:

Алльт эр фроси ути гор,
Эккерт файст вид стрёнду мор...

– Что это ты поешь? – спрашивала удивленная Виданка.
– Это про ворона. Думарь меня научил. Что один ворон зимой ночью вылез из-под камня, высунул свой замерзший клюв, стал искать, чего поесть. Плохо, говорит, раньше еды было вдоволь, а теперь не сыскать ничего. Дремлет ворон на горах, а кругом один лед, и на берегу нет ничего...

– И ты уже знаешь все эти слова?

– А чего тут не знать? Крумми – ворон, свафи – спит, сто-
рум стейни – камень большой.

И продолжал по-варяжски:

Как к жилью я подлечу,
Как еды украсть хочу,
Злобный пес погонит прочь
От собачьей миски...

Вспоминал ли он Серого, что первые три года жизни был ему вместо отца? Теперь, пожалуй, тот пес позабыл бывшего друга и со злобным лаем отогнал бы от жилья, будто лесного зверя, вздумай тот сунуться на Дубояров двор. Сам Рысь говорил, что пса помнит, а никого из его хозяев – нет.

Качая головой, Виданка отмечала: Етон приказал учить подкидыша своему языку. Но зачем?

Касаясь это все какого другого человека, она решила бы, что князь прислал к ней на воспитание своего побочного сына. А втайне велел держать, чтобы недруги не повредили ребенку. Но у Етона не могло быть детей. Все знали ту повесть о проклятье Вещего. Если бы чары удалось сбросить, то этот мальчик рос бы в Плеснеске, возле престарелого отца – и было бы не важно, что за женщина сумела его родить, княгиня или служанка. Роди его последняя холопка, для продления своего высокого рода Етон заставил бы любую из своих жен взять этого младенца на колени.

Но может, он хочет этого мальчика усыновить? Нарочно выбрал найденыша, у кого нет родни, чтобы та не лезла потом в княжеские дела. Это была вторая, такая же естественная мысль, но и в нее поверить мешала та же таинственность. Зачем Етону скрывать приемного сына? Чтобы дать тому права, он, напротив, должен был бы гласно, при всей дружине, при боярах земли Бужанской и мудрой чади вставить его ногу в свой башмак, опоясать новым поясом, дать родовое имя и объявить своим наследником. А что проку от ребенка, выращенного в неизвестности? Может быть, Етон собирается усыновить его позднее – но зачем тогда эти речи про зверя, у которого нет и не было отца и матери?

– Он сказал, что так велел ему Один, – однажды передал ей Рысь.

Тогда ему было тринадцать лет, и он, надо думать, стал достаточно взрослым, чтобы тоже задать эти вопросы – и себе, и Етону. В то время он уже ушел от Виданки к «серым братьям» в их чащобное обиталище, но один-два раза в месяц навещал ее – больше ради встреч с Етоном или Думарем.

И так продолжалось все шестнадцать лет – и те почти девять лет, что Рысь жил у нее, и следующие семь, когда он уже переселился к «серым братьям». За годы рассказ Етона о Сигурде так смешался в голове Рысенка со сведениями о его собственном происхождении, что он о самом себе говорил «я зверь благородный» и, кажется, даже думал, что старое северное предание повествует и о нем тоже. «Без отца и

матери» – это подходило для того, кто собирается всю жизнь прожить среди «серых братьев», обучать сменяющиеся поколения молодых «волчат» и не иметь никакой иной семьи.

Но для чего этот «волк» понадобился Етону?

За годы Виданка привыкла к этой тайне и смирилась с мыслью, что, может быть, узнает ее после смерти старого князя. Если, конечно, ей удастся его пережить. А в этом она, поначалу совсем еще молодая женщина, теперь уже не чувствовала уверенности. Она за эти годы заметно постарела – а Етон остался почти таким же, каким был.

И вот наконец ледяной покров тайны дал первую трещину. Впервые за шестнадцать лет Етон пожелал, чтобы Рысь увидел кто-то, кроме него и Думаря.

– Князь приказал тебе в город идти?

– Он сказал, что я... – Рысь произнес несколько слов на русском языке, невольно повторяя так, как услышал от Етона, но увидел по лицу Виданки, что она не понимает, и повторил по-славянски: – Чтобы я в город пошел, боярам его показался.

Виданка невольно вскрикнула.

– Я знала! Все ждала, что он тебя в город возьмет и людям покажет! Иначе зачем ему тебя было подбирать!

– Что ты знала? – Рысь шагнул к ней.

В голосе его смешались досада и надежда: он был почти уверен, что она ошибается, и все же надеялся, что она и впрямь знает хоть кусочек истины.

– Что он усыновит тебя!

– Нет! – уже с одной только яростной досадой выкрикнул Рысь.

– Нет? – с трепетом перед этой яростью повторила Виданка.

Даже та рысь, лесная кошка, что жила у нее в то время, как появился мальчик, казалась ей более понятной и родной, чем этот молодой мужчина, которого она вырастила.

– Не усыновит он меня! Он сказал им, что я – это он!

– Как?

– Что ему Один дал другой дар: раз в год опять молодым делаться. И теперь вот время пришло сию тайну людям открыть. Они увидели меня. Как будто я – это он, только на пять десятков лет помолодевший.

Виданка невольно прижала ладони к нижней части лица. В потрясенном рассудке части замысла с треском лепились одна к другой. Вот зачем тайна... вот зачем русский язык... вот зачем Рысю требовалось знать все о Плеснеске и его людях, хотя он никогда в жизни не собирался там бывать.

– Он говорил мне... – Рысь отвел глаза, будто устыдился своей горячности, – в те годы еще говорил... что я, дескать, в Плеснеске князем стану...

– Я не знала...

– Откуда тебе? – Рысь глянул на нее из-под густых, ровных черных бровей. – Он не велел тебе передавать. А все обман...

Рысь помолчал и добавил:

– Я спросить хотел... Ты... – через силу выдавил он, – ты правда мне не мать?

Виданка отчасти вздохнула с облегчением – вопрос был очень человеческий. И встревожилась: Рысь переживал нешуточную душевную бурю, если все-таки задумался о своей родной матери. Которой никогда не видел и даже не желал, чтобы она существовала.

– Да нет же, – устало ответила она. – Я тебя в первый раз увидела, ты уже и ходил, и говорил. Третья зима тебе шла.

– А не лжешь?

Рысь подался к ней легким незаметным движением. Казалось, его крупное, длинноногое и длиннорукое тело ничего не весит и движется так легко, будто состоит не из мышц и костей, а из одного воздуха, и плывет по воздуху, не опираясь на землю. И хищная целеустремленность этого движения показалась страшнее, чем открытые угрозы.

– Нет, – Виданка попятилась. – Зачем я лгать тебе буду?

– Но у тебя было дитя! Мне братья рассказали. Ты оттого от них и ушла. Тебе велели уйти. И как раз в те годы было!

– У меня дочь родилась. И умерла в первую же зиму. За две зимы до того, как тебя принесли. У вас таких старых не осталось никого, тебе парни пересказали, а сами не знают, что говорят. О моем чаде толком никто из ваших не знал. Никого со мной тогда не было. Землей-матерью и Отцом-небом клянусь – я тебя не рожала!

Под его испытывающим взором Виданка сперва наклонилась и прикоснулась рукой к земле, потом выпрямилась и подняла ладонь, будто прикладывая ее к небу.

Рысь немного расслабился – поверил.

– Да и зачем тебе мать?

– Ты бы тогда знала, от кого я родился, – неохотно ответил Рысь. Клятва Виданки оставила у него смутное впечатление, будто этот вопрос задала сама земля-мать. – Может, от него или еще от кого, кто ему в наследники годится...

Они помолчали. Рысь взглянул на лес, и она поняла: хочет уйти. Вдруг стало горько, что он не прав в своей догадке и между ними нет кровного родства. Как он, Рысь, появился из леса, будто с дерева слетев, так и она, Виданка, в свой срок умчится листом на ветру, не оставив следа на земле. И поминать в дедовы дни ее будет некому... Девять лет она растила его, но так и не стала ему матерью; когда он ушел от нее, тонкая, как паутинка, связь почти оборвалась. Он вырос у нее на глазах, но душа его была для нее темнее ночи.

– А почему сейчас? – спросила Виданка. – Чего он от тебя хотел? Ты был в городе... говорил с боярами? О чем?

Рысь отвел глаза и как-то весь напрягся. Он не переменялся в лице, но Виданка чувала, что в нем вскипает кровь.

– Я не говорил... у него свадьба была...

– У кого?

– У него.

Они почти никогда не называли Етона по имени. Всегда

говорили «он», но с таким выражением, что было припасено для одного человека – того, чья воля свела их вместе шестнадцать лет назад. Виданка никогда не ошибалась в этом, но сейчас подумала, что не понимает Рыся.

– Да у кого?

– Да у Етона! – Рысь в досаде повысил голос. – Мы о ком толкуем-то – о зайце хромом?

– Свадьба? У Етона? – Виданка тоже повысила голос. – Ты морочишь меня, песий сын?

Песьим сыном она называла его, только если очень сердилась.

– Куда ему свадьбу, ему девятый десяток!

– Ну, туда! Потому я и понадобился. У самого-то шишка отсохла давно...

Виданка еще раз зажала себе рот. Дошло, что он имеет в виду.

– Не может быть... Ты что... он тебя послал... к жене его молодой на ржаные снопы...

– Ну! И при боярах еще...

– Прям при боярах... – Виданка оглянулась, будто искала, на что присесть. – Земля моя матушка...

– Ну, не прям при боярах. Они меня от жальника до клетки проводили. К ней ввели. Сказали, да, это князь наш, Одиновыми чарами пять десятков лет сбросил, и теперь вот... до зари будет тебе молодец. И значит, она теперь ему как вроде настоящая жена. А на деле-то – мне.

– Земля моя матушка... – в растерянности повторила Виданка.

Впервые она слышала о подобном деле – чтобы «супруг новобрачный» нуждался в помощи в свадебную ночь, потому что сам по старческой немощи... Зачем же тогда женился? Что ему проку в молодой жене, если и женой-то ее сделать должен другой...

И вдруг Виданка вскрикнула. Мысли сами бежали по событиям той ночи – к их возможным последствиям... или ожидаемым...

– Он хотел, чтобы она понесла! Родится у нее дитя, и будет ему наследник! Случись такое, люди бы решили, что князь-то «под лавкой прилег»¹⁴, а жена дите нагуляла с отроком каким пригожим. А теперь бояре видоки – сам князь, чарами помолодев, с женой был, дитя законное...

– Тресни ты Перун!

Рысь вдруг рухнул на колени и ударил кулаками по земле. Потом со всей силы приложился об нее головой.

– Да что ты? – Виданка всплеснула руками, не решаясь его тронуть. – Землю-то почто бьешь? Она ответит – костей не соберешь!

– Я ему сына сделал, а сам с пустыми руками остался! Леший тебя дери, хрен старый, волк тебя ешь! Кабы тебя свело и скрючило! Чтоб тебя удавил тот сын, какого я тебе сделал!

---

¹⁴ «Лежать под лавкой» – стать жертвой супружеской измены, то же, что «отрастить рога».

Виданка закрыла уши руками, словно желая перед лицом земли и неба отстраниться от этой брани. Все-таки он надеялся. Надеялся, что Етон или усыновит его, или признает родным сыном и оставит все ему. Как тем витязям, которые тоже не имели ни отца, ни матери, ни рода, но, женившись на прекрасной деве, получали во владение целые страны. Однако ж старик сплел замысел похитрее. И Рысь послужил ему послушным орудием, не понимая цели.

И что теперь, думала Виданка, глядя, как Рысь лежит на земле лицом вниз, припав к груди той единственной матери, что у него в жизни была? Если окажется, что замысел старика удался, княгиня понесла, если у Етона появится ребенок и бояре подтвердят его законность...

Етон-то сможет гордиться: на девятом десятке лет, когда никто уже того не ждал, он преодолел проклятье Вещего и пятьдесят лет спустя восторжествовал над давним хитроумным недругом. Но Рысь? Шестнадцать лет Етон растил его, в глубокой тайне, но с истинно отеческой заботой – ради одной-единственной осенней ночи? А с первыми проблесками зари, на Вальстеновой могиле вернув Етону свадебный кафтан и старый науз, Рысь стал более не нужен?

Было чувство, что длинное сказание о трудных задачах, долгих поездках и удивительных свершениях хитрый кошунник вдруг завершил, едва спев первые десять строк.

Но зачин у этого сказания был долгий – шестнадцать лет. Та княгиня молодая, что теперь, возможно, уже несет во чре-

ве нового князя плеснецкого, едва сама успела родиться на свет в те дни, когда Етон впервые увидел ничейного мальчонку с бойкими глазами.

Теперь это был мужчина – сильный, отважный, острожный, как волк, с дикой душой, но не приученный отступать. Его уже нельзя так же просто завернуть в овчину и увезти из этого сказания, как Думарь когда-то увез его из Гаврановой веси. Теперь у него есть свои желания и цели, и он так просто от них не откажется.

«Хорошо ли ты подумал, княже?» – мысленно спросила Виданка. А может быть, старческий рассудок, создавший этот хитрый замысел, кое-что упустил из виду?

И чем теперь кончится это странное сказание, не угадает даже самый мудрый кощунник.

* * *

В самый короткий день года еще до рассвета на Етоновом дворе приготовили большой костер. Лежа в постели, Величана слышала через щель оконной заслонки, как отроки стучат топорами и переговариваются. Наступал очень важный день – первый день, когда она предстанет перед Етоновой дружиной и перед людом плеснецким как княгиня и старшая жрица – исполнительница важнейших годовых обрядов. Сердце сильно билось от волнения, но, приподнявшись, Величана с удивлением и радостью обнаружила, что чувствует

себя неплохо – куда лучше, чем было по утрам всю осень и начало зимы. Никакой тошноты, голова ясная. Наконец-то богини сжалились над ней – они ведь знают, какой трудный день ей предстоит!

Всю осень, с самой свадьбы, Величана хворала и была сама не своя. В ту удивительную брачную ночь уже перед самым рассветом Етон вернулся к ней в клеть в обычном своем старческом облике, и в том же кафтане с верховым ловцом и белой ланью. Он явно был сильно утомлен, тяжело дышал и покашливал. От него пахло холодной землей и вялой травой, и Величана поежилась: будто из могилы выбрался. Но не открыла глаз: после всего у нее не осталось сил смотреть на белый свет. При помощи Думаря сняв кафтан, Етон улегся возле молодой жены. Она содрогнулась от стыда, когда он перед этим пошарил ладонью по настилальнику и удовлетворенно крикнул, обнаружив влажное пятно. Вернувшись в старое тело, забыл, что здесь было? За все золото царя греческого Величана не смогла бы заговорить с ним об этом и радовалась, что предрассветный осенний мрак скрывает ее лицо.

Они немного полежали в темноте, молча и не шевелясь.

– Ты помни, жена, – сказал ей князь, – нашей тайны никто иной ведать не должен. Ни слова никому. Ну? – требовательно окликнул он, слыша в ответ тишину.

– Я... уже поклялась, – выдавила Величана.

У нее было двойственное чувство – такое, что хотелось

саму себя обхватить за плечи, чтобы не раздвоиться. События этой ночи связали ее с Етоном – и знанием общей тайны, и супружеским единением тел, – и притом разделили. Как могла она, простая дева, хоть и высокого рода, быть заодно с оборотнем, что живет то в одном теле, то в другом, и оба его собственные, только из двух разных веков!

Она так и не заснула в ту ночь. Но с рассветом виденное и пережитое чудо стало казаться сном. Изумленные лица плеснецких боярынь, проверявших пятна на настилальнике и смазанную кровь на ее сорочке, виделись ей как будто находящиеся далеко-далеко. Обычно сорочку проверяют со смехом, ради обычая, но тут каждая из десятка боярынь сама сунулась носом к постели – и каждая разгибалась с вытаращенными глазами. Ясно было – никто из них не ожидал этого, не верил, что такое возможно! И на «молодого» они, давно его знавшие, смотрели и с новым уважением, и со страхом.

С брачного ложа Величана поднялась разбитая, и помощь боярынь оказалась вовсе не лишней. Они – Бегляна, Катла, Говоруша, Рощена – были добры к ней и заботливы, смотрели с сочувствием, и от их материнской заботы Величане стало легче. Все они понимали, каково ей – хотя и не знали истинной причины. Даже ради княжьего стола никакая из них не пожелала бы стать женой восьмидесятилетнего старца!

После бани молодая было почувствовала себя лучше, и это дало ей сил на обряды и пир следующего дня. Косу ей

теперь расплели на две и уложили их вокруг головы – было так непривычно чувствовать тяжесть волос не на спине, а на затылке. Боль между ног мешала сидеть, и Величана с отрадой думала, что второй раз ее это ожидает только через год. Вся воля ей потребовалась, чтобы вытерпеть пир до конца, когда боярыни с песнями отвели ее уже не в клеть, а в избу прежних княгинь, теперь ее владение. Там раздели, уложили на старую лежанку княгини Вальды, со звериными головами на столбах, и наконец оставили отдыхать. Муж – ни в старческом облике, ни в юношеском, – к ней сюда не приходил. А до следующей ночи, годовщины той, в какую юный еще Етон встречался со своим богом, она надеялась привыкнуть и освоиться.

Плеснеск веселился до конца седмицы, а Величана едва того дождалась. Новая бабья жизнь давалась ей с трудом – хотя, казалось бы, не девчонка двенадцатилетняя, что едва плахту надела и в ту же зиму замуж пошла. Родилась Величана под первый снег, значит, к снегу семнадцатая зима ей пойдет. Самый расцвет – но обрести прежнюю крепость ей никак не удавалось. Едва прошла боль, как через несколько дней на сорочке опять появились небольшие кровянистые пятна. Дома у матушки Величана никогда не была лежебокой, но здесь, где так важно было показать себя деловитой и расторопной, вставала по утрам с трудом, одолевая тошноту. Несильная, та отбивала у нее желание есть, и все тянуло прилечь. Иной раз Величане приходилось посылать вме-

сто себя Тишанку толковать с Етоновой ключницей. Думала порой: неужели не уберегли ее, где-то проскочил взор злого глаза? По ветру порча прилетела, одолела невестины покровы и обереги? Часто тянуло в слезы – и самой худо, и вокруг все такое чужое, непривычное, и пожалеть ее некому, кроме Тишанки. Боярыни были к ней добры, но ведь она – княгиня, старшая над ними, хоть и годится иным во внучки, ей не пристало им жаловаться! Да и на что – на тоску по матушке и по братьям? Не годится – она уже не девка, а молодуха, княгиня. И чем плохо ее житье? «Счастье твое, свекровь давно померла! – усмехалась Тишанка, пытаясь ее утешить. – Иных поедом едят, а ты в своем доме – старшая госпожа, кроме мужа, никого над тобой в набольших нет!» И Величана улыбалась, воображая живой *мать* Етона. Той, наверное, было бы уже лет двести...

А так хотелось показать себя хозяйкой не хуже других – ее ведь учили вести большой дом. Теперь у нее было много нового дела – со дня свадьбы она стала госпожой над всем обширным хозяйством Етона, и приходилось вставать до зари, следить, как челядь доит коров, делает масло и сыр, как толкут зерно и заспу¹⁵, мелют и просеивают муку, ставят и пекут хлеб, варят кашу для младшей дружины, жарят или запекают мясо – для княжьего стола. Сам Етон, ради нехватки зубов, уже ел что помягче – творог, яичницу, кашу из растертого ячменя, – но надлежащая господину часть вареного

---

¹⁵ Заспа – крупа.

или жареного мяса обязательно должна была стоять перед ним на расписном сарацинском блюде. Отрок отрезал ему маленькие кусочки, Етон жевал их, долго гоняя по беззубым деснам – вождь должен разделять пищу с дружиной, сколько бы ему ни набежало лет. И пусть весь кусок съедали потом тайком его гридни-телохранители.

Со своим супругом Величана виделась только за столом: он сидел на своем месте в середине длинной стены, а она – на своем, у короткой. Для начала она следила, как ему подают еду, наливала меда в серебряную чашу, учтиво расспрашивала о здоровье. Он ее тоже спрашивал об этом и пристально вглядывался ей в лицо своими слабеющими глазами. И ей не верилось, что эти самые глаза с этого самого лица той ночью взирали на нее со звериным, хищным выражением. От тех воспоминаний пробирала дрожь и болью стискивало живот.

«Цвет на рубашке» в ожидаемое время не пришел. Сперва Величана не посмела надеяться – с самой свадьбы нездоровится, мало ли что? Но его все не было, и Тишана позвала боярыню Говорушу – добрую, опытную женщину, жену Семирада. Та долго ее осматривала, расспрашивала, а потом сказала те слова, которые Величана так жаждала услышать: видать, понесла ты...

Но если Говоруша была только изумлена – тоже все не могла поверить, что давно засохший дуб вдруг расцвел и новые ветки выбросил, – то Величана разрыдалась от счастья. Никакое здоровье не могло порадовать ее больше, чем недуг-

ги по этой причине – ведь теперь она избавлена от угрозы безвременной смерти! Водимая жена с малыми детьми не следует на краду за мужем. Теперь, умри Етон хоть завтра, с ним положат молодую робу, а она, княгиня, останется растить дитя и править землей, пока сын в возраст не войдет.

Величана рыдала весь день и не могла остановиться, ни разу даже не вышла из дома. Етон сам пришел к ней. Он был очень доволен: положил ладонь на ее нечесаную голову, бормотал какие-то ласковые слова. Обещал, что ни в чем ей откату не будет, пожелай она – пошлет отроков хоть за звериным молоком. Все гладил ее по волосам, будто добрую собаку.

Но даже сейчас Величана не могла признать в нем того самого мужчину, чье дитя понесла. Виденное в ту ночь молодое лицо так и стояло у нее перед глазами – и никак не сливалось с блеклым, морщинистым лицом старика, что сидел возле ее постели сейчас. Дело даже не в чертах – полсотни лет назад в нем будто была другая душа.

Их счастье Етон приказал держать в тайне.

– Ворогов у нас много, голубушка моя! – говорил он, ласково похлопывая своей иссохшей холодной рукой по ее руке с мокрыми от слез пальцами. – Или сглазят, или ратью пойдут, пока я один здесь княжу. Вот будет сын – тогда всему свету белому объявим.

Величана легко подчинилась: заранее болтать о будущем дитяте не принято, оттого и платье женки носят широкое,

чтобы до последнего срока ничего заметно не было.

Со временем, придя в себя, она сообразила, о каких врагах говорит Етон. Не о волюнциях – те были три года как разбиты Святославом киевским и соседям более не угрожали. Он имел в виду киевских русов. Ведь с появлением на свет ее и Етонова сына сам молодой Святослав из Киева потеряет свое плеснецкое наследство...

* * *

Обычно Величана выходила с утра в простом платье и только к вечернему пиру надевала крашеное. Сегодня ей приготовили нарядное варяжское платье: одно обычное, а другое без рукавов, с ляжками через плечи. Они закалывались на груди большими узорными застёжками из серебра и золота – их Етон преподнес ей в числе подарков на свадьбу. К застёжкам подвешивались на длинных бронзовых цепочках ключи от ларей, доступных только хозяйке. Пока она одевалась, шепоту огонька в светильнике грозным голосом отвечали дрожащие отблески пламени, видные сквозь щель у заволоки. Даже страшно – будто двор горит. От этого наполняло возбуждение и некое тревожное чувство, ожидание чего-то необычного и значительного. Непривычно хорошо себя чувствуя: за осень она и забыла, как это – быть здоровой? – чуть ли не впервые со свадьбы Величана ощутила удовольствие в своей новой жизни. Ощутила, что это уже *ее* жизнь, а

не чужая, куда ее бросили, оторвав от батюшки с матушкой, в гущу трудов и пугающих чудес.

Вот ее позвали наружу – князь уже там, и все готово. Когда Величана вышла, вокруг костра теснилась вся дружина. Несколько человек держали большого бора. Она встала рядом с мужем. Етон взял ее за руку в знак приветия, потом отпустил. Стеги подал ему жертвенный нож – особого вида, с рукоятью в виде бараньих рогов, закрученных в разные стороны.

Князь благословил кабана, посвящая Фрейру, потом Семирад оглушил животное, и Етон привычной рукой перерезал кабану горло. Юная княгиня стояла рядом с жертвенной чашей, чтобы собрать кровь. Впервые участвуя в главном зимнем обряде в качестве высшей жрицы Бужанской земли, Величана волновалась так, что у нее дрожали руки. Но стояла, гордо выпрямившись, и улыбалась смотрящим на нее людям. Она уже разбирала кое-что из варяжской речи своего супруга. Это действие называется «блот», потом будет «блотвейцла» – жертвенный пир, а у Фрейра (это варяжский бог вроде Ярилы) Етон просит «фрид» и «гуд уппскеран» – мир и добрый урожай.

Она поднесла чашу с кровью к костру, боярыня Катла, Стегина жена, побрызгала можжевелевой метелкой в огонь и стала подсказывать Величане слова. Княгиня повторяла. Катла пыталась научить ее заранее, но от нездоровья Величана была непонятлива, а от волнения забыла сейчас и то, что

сумела запомнить. Потом Егон взмахнул рукой, что-то крикнул – и дружина устремила к нему. Сначала бояре, потом старшие оружники, потом отроки – окружали тушу, возлагали на нее руки, клялись в верности своему вождю и отходили, показывая друг другу пятна крови на ладони, как благословение и знак отличия. Возились, хохотали, пихались, старались поставить красную отметину друг другу на лоб. А за их спинами уже другие смыкались в тесный круг, тянулись изо всех сил, чтобы через чужие плечи хоть кончиками пальцев коснуться еще теплой туши священного зверя. Это тоже был обряд заново подтверждаемого единения. У славян для этого делят трапезу с умершими, подтверждая единство рода как цепи живущих, умерших и еще не рожденных. А здесь было другое единение – дружинное, общность людей, коих сковала не кровь предков в жилах, а та кровь, которую они вместе проливали на поле битвы, свою и чужую, та добыча, которую они вместе брали, честь и слава подвигов, совершенных вместе, во имя вождя и богов. Даже та будущая могила, в какую они вместе лягут, случись им разом погибнуть на чужой земле.

Даже Величана, глядя на это, впервые вдруг ощутила себя частью этой новой общности – не родительского рода, а дружины мужа. И, слыша прославляющие вождя крики на русском языке, вдруг сообразила: а ведь ее будущее дитя тоже от рода русского. Что же остается ей? Ничего, кроме как войти в него всей душой, чтобы не отстать от собственного чада...

Тайком она просунула руку под бобровый кожух и коснулась живота. Она была тяжела уже три месяца, но, кроме налившейся груди, других перемен в ней пока видно не было.

Но вот клятвы закончились, тушу заложили в яму печься над грудой углей, закрыли дубовой доской и засыпали сверху землей. Весь день Величана, как и другие хозяйки, хлопотала над угощением – ей ведь требовалось приготовить стол на сотни человек! Етонова дружина, торговые гости, плеснецкая чадь, мудрая и младшая – все они за эту ночь успеют здесь побывать, посидеть за ее столами, поесть и попить. Это первый ее большой пир в доме мужа – как она себя покажет, так о ней и станут судить.

Собираться гости начали рано – едва стало темнеть. Сбежались, будто боялись, что начнут без них! Проходя через двор, Величана кивала, улыбалась в ответ на поклоны. Многих она уже знала – вон черноусые угры в островерхих шапках, мороване с серебряными крестами на груди, саксы и бавары в длинных шитых чулках и отделанных мехом нарядных кафтанах. И все ждала увидеть тех, от кого ей теперь приходилось ждать беды – посланцев Ингоря киевского. А их все не было.

– А где же киевские гости? – решила она спросить у мужа. – Те, что нам дары подносили... седмицу назад?

Они с Етоном встретились в гриднице – Величана следила, как расставляют посуду, а Етон по привычке пришел проверить, все ли хорошо. Конечно, он не слишком надеялся на

толковость жены, что была моложе его на шестьдесят пять лет!

– Киевские? – Етон как будто удивился. – Близняк, а у нас разве есть из Киева люди? Ох, верно! Свенельдич-младший! – Он взмахнул рукой, будто хотел хлопнуть себя по лбу. – Пошли к ним кого-нибудь. Пусть пожалуют...

И как-то так он произнес эти последние слова, понизив голос, что Величане в них почудилась угроза. И явилось понимание: Етон вовсе не забыл о киянах. Но почему он не хочет их видеть? Боится, как бы не разнюхали их драгоценную тайну? «Но ведь еще незаметно, – хотела она сказать. – И я бодра нынче, они ничего не приметят». Но промолчала и вновь ушла в поварню. Незачем ее мужу думать, что ее так уж волнуют киевские гости и их боярин.

И ничего нет такого, что она о них спросила. Если бы угры не пришли – спросила бы об уграх. И нет ей никакого дела до этого... Люта Свенельдича. Она потому так разволновалась в тот раз, когда он пришел подносить ей дары, что стоявший за ним Киев – враг ее ребенка. А не потому, что у него такие чудные глаза. При ярком свете они казались зеленовато-серыми, а когда он отступил в тень, стали почти карими. В его лице все было красиво – ровный нос, острые скулы, почти прямые русые брови, высокий лоб. И в то же время черты дышали мужеством, упорством и готовностью принять любой вызов. Как будто он уже догадывался о том, что их ждет раздор. Но когда он улыбался, лицо его сияло,

будто солнце... Величане было жаль, что раньше или позже она увидит это красивое лицо, искаженное гневом и враждой. Если бы пришли к ней судички и спросили, какого она хочет себе мужа, она бы сказала: такого, как Лют из Киева. Он не древний старец, но и не юнец, держится с достоинством и умеет быть приветливым, полон сил, но выучился ими управлять... Не напряли бы судички ей такую странную судьбу... Не достанься ей муж, такой ласковый в дряхлом теле и такой суровый, даже пугающий – в юном...

В пояснице проявилась тянущая боль, и Величана торопливо присела. Молодая совсем – а от забот умаялась, аж спина заболела, как у старухи!

Гоня из головы лишние мысли, Величана хлопотала до самой ночи. А когда пришла пора идти в гридницу, она увидела киевского гостя сразу, как ступила за порог. И вздрогнула – красота этого лица, о которой она столько думала, заново потрясла ее, а пристальный взгляд пронзил насквозь.

* * *

Лют Свенельдич давно привык встречать зимние праздники вдали от дома, пить на жертвенных пирах, где мясо раздает чей-то чужой правитель. И в эту зиму он тому, пожалуй, радовался. Пир солоновороты – ёль, как его называли здешние русы, – давал ему случай еще раз увидеть Етонову княгиню, а она с первой встречи все не шла у него из головы.

Не подавая виду, он извелся, дожидаясь приглашения. Конечно, без колядных угощений кияне не остались бы: у Ржиги бабы наготовили прорву всего, и Лютова дружина могла гулять всю ночь заодно со всеми его гостями и соседями. Но что он, поросячьих ножек никогда не ел? От празднества самой длинной ночи Лют ждал иного.

В начале зимы Етонова дружина отправлялась собирать дань с его земель, поэтому по приезде Лют не видел Семирада. Но к Коляде тот всегда возвращался – не так уж велики были Етоновы владения. Но поскольку дружина вернулась, у Етона нет недостатка в людях и припасах. Вальга и Торлейв тайком ходили к княжьему двору и донесли: там затопили «мясную яму», на рассвете забили борова, по всему двору пахнет печеным хлебом – пиршество ожидается знатное.

Но вот наконец, уже к сумеркам, от Етона явился отрок: Люта Свенельдича и гостей киевских просят пожаловать к князю на пир. Облегченно вздохнув, Лют пошел доставать лучший кафтан – тот, в котором был у Етона после приезда, седмицу назад.

В Киеве князя Олегова рода, начиная с самого основателя, приносили жертвы на Святой горе от всего города и всей земли Полянской. В Плеснеске за город воздавали богам бужанские старцы во главе с Чудиславом, а князь с дружиной соблюдал свой обычай и начинал праздники у себя, как его предки – северные вожди. Этим вечером ворота княжьего двора стояли распахнутыми. К приходу киян здесь уже бы-

ло полно народу, по большей части торговые гости – саксы, угры, хорваты, мораване, бавары, уличи. Тиун и отроки уже начали заводить гостей в гридницу и рассаживать по местам. Благодаря знатному роду и родству с Олегом Вещим, Лют и двое Пестрянычей получили места почти в середине гостевого стола – и ближе к женской половине дома, чему Лют втайне обрадовался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.